

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

1 | 2013

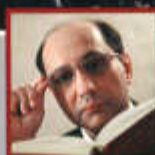

**Таисия Лемперт:
«Адвокатура – жизнь моя».**

Стр. 26 – 31

**Не дать
себя оседлать
Стр. 4 – 11**

**Власть судебного
усмотрения
Стр. 14 – 15**

**В шаге
от тюрьмы
Стр. 32 – 33**

ВСТРЕЧАТЬСЯ БУДЕМ В РЕГИОНАХ

Доброй традицией стали адвокатские встречи в стенах Центрального дома ученых Российской академии наук. На этот раз здесь состоялась очередная, восьмая, научно-практическая конференция «Адвокатура. Государство. Общество», посвященная 10-летию Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», которую совместно организовали Федеральная палата адвокатов РФ, Московская государственная академия им. О.Е. Кутафина и Российская академия адвокатуры и нотариата.

Открывая ее, президент ФПА Е. Семеняко заметил, что уже много лет для обсуждения итогов года коллеги съезжаются в Москву. Но у адвокатского сообщества есть свои региональные центры во Владимире, Самаре, Свердловске, Красноярске, Санкт-Петербурге и других регионах нашей огромной страны. И потому такие значимые адвокатские мероприятия, по мнению Евгения Васильевича, нужно чаще выносить за пределы гостеприимной российской столицы.

Затем перед участниками конференции выступил доктор юридических наук, президент Гильдии российских адвокатов, ректор РААН Г. Мирзоев. Говоря об имеющихся в сообществе проблемах, он призвал коллег совершенствовать адвокатуру так, чтобы всем в ней жилось равно, а работалось с пользой для эффективной защиты интересов граждан. Своими мыслями о перспективах развития адвокатуры поделился доктор юридических наук, первый вице-президент ФПА Ю. Филиппенко. Он, в частности, подчеркнул, что ни одно из предлагаемых изменений в Кодекс профессиональной этики адвоката не является радикальным, все они обусловлены поступательным движением адвокатуры. Свой взгляд на концепцию развития сферы оказания квалифицированной юридической помощи в России изложил кандидат юридических наук, член Совета ФПА В. Буробин. Для решения проблемы регулирования и развития в стране правового рынка, по его мнению, есть четыре способа, каждый из которых имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

После выступлений коллег из регионов в зале развернулась острая дискуссия, в которой участники конференции высказались по самым волнующим адвокатов вопросам.

Наш корр.
Фото Виталия АЛТАБАЕВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Е.В. СЕМЕНЯКО, председатель редакционного совета, президент Федеральной палаты адвокатов РФ

Г.Б. МИРЗОЕВ, сопредседатель редакционного совета, президент Гильдии российских адвокатов

А.П. ГАЛОГАНОВ, заместитель председателя редакционного совета, президент Федерального союза адвокатов России

В.Ф. АНИСИМОВ, представитель Совета – вице-президент ФПА в Уральском федеральном округе

Д.П. БАРАНОВ, президент Адвокатской палаты Ростовской области

В.В. БЛАЖЕЕВ, ректор Московской государственной юридической академии

Т.Д. БУТОВЧЕНКО, президент Адвокатской палаты Самарской области

В.В. ВИТЯНСКИЙ, заместитель председателн Высшего арбитражного суда РФ

В.В. ГРИБ, член Общественной палаты РФ, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ

А.В. ДВОРКОВИЧ, заместитель председателя Правительства РФ

А.Н. ДЕНИСОВА, президент Адвокатской палаты Ленинградской области

Л.М. ДМИТРИЕВСКАЯ, президент Адвокатской палаты Республики Татарстан

В.С. ИГОНИН, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов

В.В. КАЛИТВИН, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ

Н.Н. КЛЁН, председатель президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов

Ю.А. КОСТАНОВ, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов

П.В. КРАШЕНИННИКОВ, председатель Комитета Государственной думы РФ по законодательству

М.В. КРОТОВ, полномочный представитель Президента России в Конституционном суде РФ

М.С. КРУТЕР, профессор, доктор юридических наук, писатель

А.Г. КУЧЕРЕНА, член Общественной палаты РФ, заведующий кафедрой адвокатуры МГЮА

В.Г. КУШНАРЕВ, президент Адвокатской палаты Хабаровского края

Ю.С. ПИЛИПЕНКО, первый вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ

В.Н. ПЛИГИН, председатель Комитета Государственной думы РФ по конституционному законодательству и госстроительству

Г.М. РЕЗНИК, президент Адвокатской палаты г. Москвы

Н.Д. РОГАЧЕВ, президент Адвокатской палаты Нижегородской области

В.Г. СТРЕКОЗОВ, заместитель председателя Конституционного суда РФ

В.П. ЧЕХОВ, президент Адвокатской палаты Краснодарского края

Г.К. ШАРОВ, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ

Главный редактор **Р.А. ЗВЯГЕЛЬСКИЙ**

Журнал основан в апреле 1995 г.
Гильдией российских адвокатов.

Выходит один раз в два месяца.

Зарегистрирован Комитетом РФ по печати.
Свидетельство № 013485

Адрес редакции:
105120, Москва,
М. Полурославский пер., 3/5
Тел.: (495) 917-7546
Факс: (495) 917-0136
Наш адрес в Internet:
www.ros-adv.ru
E-mail: rosadv@bk.ru

ООО «Национальная полиграфическая группа», Калуга, ул. Светлая, д.2.
Тел.: 8-4842-700-337

При перепечатке ссылка на журнал
«Российский адвокат» обязательна.

Тираж 10 000 экз.

В НОМЕРЕ

1 | 2013

Наша обложка:
Член Адвокатской палаты
г. Москвы
Тaisia ЛЕМПЕРТ

**Не дать
себя оседлать** 4
Ю. Пилипенко

**Власть судебного
усмотрения** 14
Р. Круглов

**Страховщика
поправит суд** 18
С. Каргин

Приговор без исполнения 22
Е. Басякова

«Дело Богословского» 26
Т. Лемперт

В защиту права на защиту 36
Л. Челябинов

**Развод, раздел
и девичья фамилия** 38
Я. Бочарова

**Заблуждения в сделках
недопустимы** 46
И. Балдаков

• В ПРАВОВОМ РУСЛЕ

В Общественной палате РФ прошло заседание Межкомиссионной рабочей группы по этике и регламенту под председательством заместителя секретаря ОП, вице-президента Федеральной палаты адвокатов РФ Владислава Гриба. В повестке дня рассматривались два вопроса: об обращении руководителя Специализированного государственного предприятия по продаже имущества города Москвы и

о ситуации, сложившейся в связи с подготовкой Экологического форума «Строим зеленое будущее».

В дискуссии приняли участие президент ФПА Евгений Семеняко, поэт Андрей Дементьев, певица Диана Гурцкая, епископ Сергей Ряховский, политолог Иосиф Дискин и другие. В основном полемика носила рекомендательно-правовой характер.

Фото Захара РОМАНОВА

КОЛЛЕГАМ НА ЗАМЕТКУ •

Члены Адвокатской палаты Санкт-Петербурга Владислав Лапинский и Юрий Хапалюк разработали и опубликовали рекомендации по поведению адвоката при вызове его на допрос в качестве свидетеля и производстве обыска.

Помимо практических примеров, коллеги обобщили и свели в схемы наиболее распространенные ситуации и модели поведения, которые необходимо знать и использовать. В частности, адвокат не обязан (!) давать добровольного согласия на обыск, а в протоколе должно быть четко указано искомое. При этом нужно избегать расплывчатых определений и неясных формулировок. Авторы труда настоятельно советуют не забывать, что фраза «все, имеющее

значение для уголовного дела», не является конкретной. До начала обыска также важно определить документы, содержащие адвокатскую тайну, отметить их штампом «адвокатская тайна», и лучше это сделать при помощи представителя адвокатской палаты (адвокатского образования).

Важно помнить, что режим адвокатской тайны не распространяется на предметы и документы, которые защитник получил вне осуществления своей профессиональной деятельности, те, которые служат предметом уголовно наказуемого деяния, а также на орудия преступления и на продукцию, запрещенную к свободному обороту.

• СИМВОЛ ХРАБРОСТИ

Дагестанский адвокат Сапият Магомедова стала лауреатом международной премии имени Пера Ангера, учрежденной шведским правительством за выдающийся вклад в дело борьбы за демократию и права человека.

На сайте Шведского Хельсинкского комитета говорится, что Сапият Магомедова защищает жертв серьезных нарушений прав человека. Она бралась за дела, которые многие адвокаты отклонили бы из соображений безопасности. И она выигрывала то, что, казалось, было обречено на провал. Для людей в

регионе она стала символом храбрости.

Из-за своей профессиональной деятельности молодой адвокат неоднократно становилась жертвой угроз и физического насилия. В частности, широкий общественный резонанс получило дело об избитии Сапият Магомедовой сотрудниками Хасавюртовского ГОВД летом 2010 года. «Российский адвокат» подробно описал этот вопиющий случай в №5 за 2010 год.

Поздравляем С. Магомедову с заслуженной наградой!

● **В АТМОСФЕРЕ ПРАЗДНИКА**

В Московской государственной картинной галерее народного художника СССР А. Шилова состоялся торжественный прием, посвященный 10-летию образования Адвокатской палаты г. Москвы.

Президент АП г. Москвы Г. Резник поздравил всех при-

Фото Елены БАСКАКОВОЙ

стствующих и передал слово тем, кто стоял у истоков принятия Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Перед собравшимися выступили представитель Администрации Президента РФ М. Палеев, глава Комитета Госдумы по бюджету и налогам А. Макаров и московский адвокат Н. Гагарин. В непринужденной обстановке общались между собой приглашенные на торжество президенты региональных палат, известные столичные адвокаты, общественные деятели, а также многочисленные друзья адвокатуры.

● **«МЕТРОПОЛЬ» ПРИНИМАЕТ ДРУЗЕЙ ●**

По случаю 42-ой годовщины Национального дня Султаната Оман посольство этого независимого арабского государства, идущего с 1970 года по пути возрождения и прогресса под руководством Султана Кабуса Бен Саида, устроило в ресторане московской гостиницы «Метрополь» прием многочисленных иностранных и российских гостей.

Вечер прошел в непринужденной дружеской обстановке, где все присутствующие смогли по достоинству оценить непревзойденные яства настоящей восточной кухни. Лидеру ЛДПР Владимиру Жириновскому была доверена почетная миссия – разрезать праздничный торт и угостить всех желающих.

Фото Ирины МОЖАРОВСКОЙ

Главный редактор журнала «Российский адвокат» Ромен Звягельский приветствует посла султаната Оман в России Юсуфа Бен Иса Бен Али Аль-Заджали

● **НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО**

В Адвокатской палате Приморского края состоялась пресс-конференция, посвященная оказанию бесплатной юридической помощи. Выступивший на ней президент палаты Борис Минцев рассказал о существенном упрощении процедуры ее получения малоимущими и инвалидами. Одним требуется представить из органов соцзащиты только справку о доходах, другим – документ об инвалидности. Предусмотрен даже вариант выезда адвоката к тяжело-

больным людям, которые не могут самостоятельно передвигаться.

Как пояснил присутствующим вице-президент палаты Владимир Мельников, с мая 2012 года в Приморском крае действует региональный закон, согласно которому участниками государственной системы бесплатной юридической помощи являются адвокаты, а система госюрбюро, как альтернатива адвокатской помощи, в Приморье не создается.

Во Владивостоке уже действуют 19 пунктов, где юридическая помощь оказывается бесплатно, а жители других городов и районов края могут обращаться в районные либо городские коллегии адвокатов. Список адресов уже выложен на сайте www.primadvokat.ru.

После завершения пресс-конференции Б. Минцев вручил удостоверение специального корреспондента журнала «Российский адвокат» приморскому журналисту Александру Огневскому.

На Дальнем Востоке теперь два спецкора нашего журнала, один – в Хабаровске, другой – во Владивостоке!

Пресс-служба АП Приморского края

A close-up portrait of a middle-aged man with a shaved head and a goatee, wearing a dark suit, white shirt, and patterned tie. He is sitting at a desk, looking directly at the camera with a serious expression. His hands are visible at the bottom of the frame, holding a yellow pencil over a piece of paper. The background is a plain, light-colored wall.

НЕ ДАТЬ СЕБЯ ОСЕДЛАТЬ

20 июня 2012 года Совет Федеральной палаты адвокатов РФ принял решение создать рабочую группу по подготовке новой редакции Кодекса профессиональной этики адвоката. Ее возглавил первый вице-президент ФПА, доктор юридических наук Ю.С. Пилипенко.

Проект Кодекса был вынесен на широкое обсуждение адвокатского сообщества и размещен на официальном сайте ФПА. «Новая адвокатская газета» регулярно публикует отзывы наших коллег, причем самые полярные мнения. И это очень хорошо, ибо беспристрастная полемика, как правило, дает необходимый результат. Естественно, «Российский адвокат» не мог остаться в стороне от этого живого дела, тем более что Совет ФПА принял решение до 31 декабря завершить обсуждение проекта.

Наши многочисленные читатели высказывали желание узнать мнение Ю.С. Пилипенко об этом документе.

– Юрий Сергеевич, позвольте начать нашу беседу с несколько банального вопроса. Прошло более десяти лет, как в жизнь вступил ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Подспорьем этому закону стал Кодекс профессиональной этики адвоката, рожденный в недрах самого адвокатского сообщества. Вот и возникает заковыка – нового закона еще нет, а новый Кодекс, по сути, уже родился. Нет ли тут, на ваш взгляд, некой нестыковки?

– Хороший вопрос. Нынешний закон – первооснова функционирования современной российской адвокатуры. То обстоятельство, что нового закона еще нет, – само по себе уже хорошая новость, потому что новое – не всегда хорошее.

Наш закон представляется мне достаточно качественным нормативным актом вне зависимости от того, что о нем говорят наши профессиональные «палкальщики». Вопреки расхожему мнению, в последнее время особенно активно распространяемому в кулуарах адвокатских собраний, закон, действительно, стоит того, чтобы о нем отзываться однозначно позитивно. В нем есть определенные «шероховатости», он не решил всех вопросов, которые существовали в момент его принятия или возникли впоследствии, в течение последних десяти лет. Но это совсем не означает, что требуется его коренное изменение, и я абсолютно уверен в том, что на сегодняшний день адвокаты не являются лицами, чрезвычайно заинтересованными в подготовке нового закона.

Что касается Министерства юстиции, которое, естественно, вправе иметь собственный взгляд на проблему регулирования адвокатской деятельности и адвокатуры, то мы уже более трех лет слышим о том, что в его недрах создается концепция нового регулирования этой сферы. Концепции до сих пор нет, но то, что мы знаем о ее возможном содержании, рождает не только позитивные эмоции. Нужно понимать, что в этой концепции и в новом законе может появиться много таких вещей, которые будут не совсем устраивать адвокатское сообщество. Поэтому я не уверен, что новый закон нам немедленно нужен. Смысла дожидаться его принятия, для того чтобы поправить положения Кодекса, немного.

– Сейчас вы работаете над новой редакцией Кодекса, но не кажется ли вам, что в данном случае вы ставите телегу впереди лошади? Может, все же дожидаться, когда появится новый закон об адвокатуре, а затем доработать Кодекс?

– Но принятие закона находится вне нашей компетенции. И нам неизвестно, когда это произойдет. А Кодекс мы можем поправить самостоятельно. Хочу обратить ваше внимание на то, что речь не идет ни о новом документе, ни даже о новой редакции. Когда на Совете ФПА ставился вопрос о том, будем ли мы готовить новый Кодекс или изменять и дополнять ныне действующий, было принято решение: до тех пор, пока в регулировании российской адвокатуры не произошло каких-либо значимых изменений, в новом Кодексе нет необходи-

мости, можно и нужно ограничиться поправками в действующий. Поэтому рабочая группа и сосредоточилась исключительно на подготовке поправок к нынешней редакции.

– На прошедшем недавно очередном съезде Федерального союза адвокатов России из уст крупного правительственного чиновника, хорошо известного в юридических кругах, услышал, будто в Минюсте уже разработан новый закон об адвокатуре. И этот товарищ советовал нам стоять насмерть. Правда, другой выступающий – вице-президент ФПА Геннадий Шаров сказал, что, если, не посоветовавшись с нами, такой проект внесут в Госдуму, адвокатское сообщество будет вправе собрать чрезвычайный съезд. На что президент Адвокатской палаты Республики Удмуртия Дмитрий Талантов парировал: что размахивать руками, когда поезд уйдет. Необходимо работать на опережение. Ваше мнение?

– Нет ничего необычного в том, что где-то, возможно, и пишется некий законопроект, а мы об этом не знаем. Так в последнее время было несколько раз, и я бы не искал здесь какого-нибудь заговора или злых намерений в отношении адвокатуры. Это, скорее, специфика работы Министерства юстиции, и не исключено, что в его недрах новый законопроект и готовится. Но, повторяю, об этом говорят уже три года.

Недавно я участвовал в совещании в Белом доме, которое проводилось как реакция на поручение Президента Российской Федерации. Среди прочего это поручение включает в себя подготовку мер, направленных на усиление объективности российского судопроизводства. Минюст сообщил, что для выполнения этого поручения он готовит меры. Одна из них – законопроект о профессиональной юридической помощи, в котором, в том числе, будут рассмотрены вопросы об адвокатской монополии.

В перерыве я поинтересовался у чиновницы Минюста: «Есть ли у вас такой законопроект? Если есть – дайте нам, вместе поработаем, чтобы не получилось так, что мы узнаем о нем из газет». Меня заверили, что такого текста еще нет – он существует пока только в замысле. И что адвокатуру, несомненно, привлекут к работе. Поживем – увидим.

– Какие, на ваш взгляд, возникли проблемы в адвокатском сообществе и чем вызвана необходимость «перелопатить» старый Кодекс?

– Идея внесения изменений и дополнений в Кодекс не нова. Еще к предыдущему съезду готовились определенные изменения, но тогда их сочли недоработанными, и президент ФПА принял решение не выносить их на обсуждение съезда.

Время идет, прежние проблемы не исчезают, выявляются новые, и, возможно, с учетом того обстоятельства, что год назад я написал комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката, президент ФПА Е.В. Семьянко лично настоял на том, чтобы я возглавил рабочую группу, которая должна к очередному съезду (напомню,

▲ С думой о Кодексе

он состоится в апреле следующего года) подготовить проект изменений и дополнений в этот документ.

Совет избрал в рабочую группу замечательных и симпатичных людей, общепризнанных специалистов в области адвокатской этики. Это Владимир Васильевич Калитвин, вице-президент ФПА, президент АП Воронежской области; Светлана Игоревна Володина, вице-президент ФПА, директор Института адвокатуры МГЮА; Сергей Александрович Мальфанов, президент АП Воронежской области; Юрий Сергеевич Кручинин, президент АП Чувашской Республики. Работать с ними – одно удовольствие.

Мы обратились ко всему адвокатскому сообществу, во все палаты с просьбой направить нам свои соображения. И адвокатское сообщество очень живо откликнулось: половина адвокатских палат направила в адрес Совета ФПА и рабочей группы предложения и замечания по Кодексу и поправкам. Проанализировав все эти предложения и замечания, мы отсеяли те, которые, на взгляд рабочей группы, противоречили положениям законодательства, действующего Кодекса или дублировали их, а все остальные объединили в сводную табли-

цу. Мы прорабатывали ее на нескольких заседаниях, обсуждая каждую поправку самым детальнейшим образом.

Можно смело говорить о том, что автором проекта, в том числе и тех предложений, которые вызвали наибольший резонанс, является адвокатское сообщество. Должен сказать, что примерно 90% изменений и дополнений носят уточняющий характер, и против них, насколько мне известно, нет особых возражений. Самая серьезная поправка, которая вызвала дискуссию, – это введение новой «санкции» для адвокатов. И что удивительно, возникла едва ли не перепалка за право адвоката быть свободным от норм морали и нравственных устоев. Какое-то кривое зеркало.

– В частности, такой авторитет в нашем сообществе, как Генри Маркович Резник, по поводу новой редакции Кодекса имеет несколько иное мнение. На чем вы не сошлись? В чем противоречия? Положи руку на сердце, это не реакция на экстремистское, как оценили многие, выступление московского адвоката Д. Хасавова по РЕН-ТВ, после чего ФПА предложила московским коллегам лишить его статуса адвоката, но москвичи «команду» не выполнили?

– Не думаю, что мы с Генри Марковичем Резником являемся оппонентами, тем более что, как он мне сообщил, с подавляющим большинством поправок он согласен. Возможно, ваш вопрос продиктован тем, что мы будто бы по-разному понимаем пределы дисциплинарной ответственности адвоката.

Уверен, что регулирование, предусмотренное законом и действующим Кодексом, позволяет привлекать адвокатов к дисциплинарной ответственности за поведение, дискредитирующее как самих адвокатов, так и адвокатуру в целом. Здесь я не оригинален. Это не моя точка зрения – ее разделяют все члены рабочей группы и, насколько я знаю, подавляющее большинство президентов адвокатских палат.

В то же время есть и другая позиция, согласно которой дисциплинарная ответственность может наступать исключительно в узко понимаемой сфере профессиональной деятельности. Такой точки зрения придерживается и Генри Маркович, что странно.

Но мне это расхождение представляется вполне преодолимым, так как в наших предложениях ничего революционного нет. Рабочая группа, повторю, ставила своей задачей исходить исключительно из действующего законодательного регулирования.

Мы сочли возможным лишь конкретизировать некоторые положения, в частности, норму о том, что адвокаты «при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4). Это положение может быть истолковано слишком широко, так как понятие «любые обстоятельства» охватывает не только профессиональную сферу, но и все другие сферы, в том числе личную жизнь, что таит опасность для адвокатов. Рабочая группа уточнила действующее положение, сузив пределы потенциальной дисциплинарной

ответственности. Кто-то, правда, имеет другую точку зрения, но решать Совету и Съезду.

А что касается Хасавова, то ситуация, связанная с ним, поводом для внесения изменений в Кодекс не является. Но является яркой иллюстрацией того, что они необходимы.

– Ходят слухи, будто вам чуть ли не вице-премьер правительства позвонил и попросил воздействовать на Адвокатскую палату г. Москвы в вопросе лишения Хасавова статуса адвоката. Это так?

– Да, президенту ФПА звонил вице-премьер правительства и выражал недоумение, почему адвокаты могут себя так безобразно вести и не несут за это ответственности. Некоторые коллеги пытаются подать этот звонок как элемент давления и вмешательства во внутренние дела корпорации. Но в действительности речь идет не о давлении, а о том, что вице-премьер признает компетенцию Федеральной палаты адвокатов. Именно поэтому он позвонил нам, а не в правоохранительные органы, как обычно бывает в подобных ситуациях. На мой взгляд, это обстоятельство должно нас только радовать.

Помимо ситуации с Хасавовым, можно привести и другие примеры.

Полгода назад была шумиха относительно каких-то якобы неблагоприятных поступков первого вице-преьера Игоря Шувалова. Оказалось, что адвокат Павел Ивлев, представляющий его интересы, долгое время копил документы. И через десять лет «перевязал их бечевкой» и направил в один из журналов, который их опубликовал. Из публикации делаются выводы о недобросовестности Игоря Шувалова.

А адвокат публично признается прессе, что он это сделал потому, что ему якобы через 10 лет стало понятно, что его клиент нарушал закон. При этом ссылается на Кодекс профессиональной этики и говорит, что закон и нравственность выше воли доверителя. Да Иуда он! Это же любому нормальному человеку понятно.

Но после этого мы слышим комментарий палаты адвокатов, что в отношении Ивлева нет оснований для возбуждения дисциплинарного производства.

Не уверен, что это добавляет авторитета адвокату.

– У одного молодого адвоката, ознакомившегося с предлагаемой редакцией Кодекса, увидел расширенные зрачки и услышал одно слово – «жесть». Я современному сленгу не вял и попросил собеседника аргументировать свою позицию. Он ответил: «Это своеобразная удавка, которая позволит Советам адвокатских палат карать всех неугодных, поскольку представляются новые поводы для возбуждения дис-

циплинарного производства. Ранее п. 6 ст. 20 звучал так: конкретные действия (бездействия) адвоката, в которых выразилось нарушение им профессиональных обязанностей. Теперь добавилась новая приписка: «и / или общих принципов морали и нравственности в обществе». Естественно, последняя сентенция выходит за рамки профессиональных обязанностей. К примеру, адвокат на радостях маленько перебрал и в чем-то нарушил общественный порядок, но эти действия не подпадают под неисполнение им профессионального долга». В чем опасность? В старом Кодексе был четко прописан ограниченный перечень, на основании которого возбуждалось дисциплинарное производство: обращение суда, жалобы, представление, внесенное в квалификационную комиссию. А сейчас появился новый пункт: ИНЫЕ поводы. Под эту колодку можно подогнать любого неугодного адвоката. Не даст ли это возможность президентам на местах сводить счеты?

– Поводы-то «иные», но только еще и «предусмотренные Кодексом профессиональной этики адвоката». Чувствуете разницу? Это первое.

Второе. И в присяжной российской адвокатуры, и практически во всем мире адвокатом считается не только тот «парень», который может ловко обращаться с законами, но и человек, наделенный определенными нравственными качествами. Вот это никто оспорить не может, это – «медицинский факт». И суть вопроса «о должном» подменяют дискуссией «о сущем» – мол, закон не так четко прописан, президенты счеты начнут сводить, и прочее, и прочее...

Мне кажется, что и сегодня те из президентов, кто хочет счеты сводить, – сведут и без поправок. И сводили. И не раз.

Да и потом, почему же мы все так друг другу не верим? Отчего эта нелепая подозрительность? Не знаю, как другим, но лично мне жизнь примерно раз в три дня дает повод для уныния и неверия, особенно в последние десять лет, но я продолжаю верить. И президенту, и

коллегам по Совету, и товарищам по работе. И наивным себя не считаю.

Адвокатура сама должна решить, позволительно ли адвокатам безнаказанно «сдавать» своих клиентов, торговать тайной, использовать активы доверителей для собственного обогащения, валяться пьяными на улицах, публично грозить городу кровавой резней и т.д.

Лично я – сторонник хотя бы минимальных нравственных требований к членам сообщества, и не только в судебном процессе, но и в публичном пространстве.

Но любое решение приемлемо – в конце концов, сорок лет после выхода из пустыни еще не минули.

Регулирование, предусмотренное законом и действующим Кодексом, позволяет привлекать адвокатов к дисциплинарной ответственности за поведение, дискредитирующее как самих адвокатов, так и адвокатуру.

Хотя и авторитет у сообщества небезграничный – его может не остаться вовсе.

– Не скрою, у многих, с кем мне доводилось общаться за последнее время, большое неприятие вызывает статья 25.1, где в новом Кодексе прописано положение о возбуждении дисциплинарного производства в отношении президента Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации. Поводом для этого производства является представление, внесенное в Комиссию по этике Министерством юстиции РФ и (что особо резануло оппонентов) вице-президентом Федеральной палаты, а после заключения Комиссии по этике на возбуждение дисциплинарного производства президент ФПА вправе:

- отказать в возбуждении дисциплинарного производства;
- возбудить дисциплинарное производство и направить его на рассмотрение в квалификационную комиссию соответствующей Адвокатской палаты субъекта;
- направить заключение в Комиссию на повторное рассмотрение.

Неприятие усиливается тем, что «карающий меч» вкладывается в руки вице-президента и президента ФПА, которые, как и все рядовые адвокаты, состоят в статусе своих региональных палат. На ваш взгляд, принятие этой нормы не разделит президентов субъектов на «любимчиков» и «нелюбимчиков»? И не берет ли ФПА на себя функции прокуратуры, следствия и суда?

– Ваш вопрос исполнен страхами и крайностями, что, к сожалению, свойственно мироощущению некоторых наших коллег. Нет смысла искать в наших действиях, в предполагаемых поправках то, чего там нет и в помине.

Что касается «любимчиков». Вы знаете, симпатии к тем или иным людям, в том числе и к коллегам по адвокатскому цеху, зависят от совершенно иных субстанций. С Кодексом или законом никак не связанных. Это – «химия».

Относительно прокуратуры и суда. Незачем друг друга пугать. У нас дисциплинарное производство существует, и некое подобие следствия и суда осуществляют квалификационные комиссии и советы палат. И дара речи от этого никто еще не лишился. Притом, что несколько тысяч адвокатов в последние годы были лишены статуса.

И последнее. Ни я, ни мои товарищи по рабочей группе не являемся авторами этой идеи. Это сугубо региональное предложение. Мы его только отредактировали, сделав максимально приемлемым для президентов региональных палат.

Но еще раз повторюсь – решать Совету и Съезду.

– В связи с вышесказанным хочу привести выписку из «свежеиспеченной» резолюции XII съезда Федерального союза адвокатов России, принятой в связи с проектом изменений и дополнений в КПЭА. Согласно действующему законодательству, Совет Федеральной палаты адвокатов наделен правом лишь «обобщать дисциплинарную практику, существующую в адвокатских палатах, и разрабатывать в связи с этим необходимые рекомендации» (п.9 ч.2 ст.37 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Адвокаты и президенты палат не являются членами ФПА РФ, поэтому никакие органы Федеральной

палаты адвокатов РФ не могут принимать каких-либо решений в отношении адвокатов. На это указывалось и в решениях Конституционного суда РФ.

– Это крайне избирательное прочтение закона. Эти, с позволения сказать, «читатели» в других ситуациях подвергают со-

мнению законность существования ФПА в принципе, насколько мне известно. Представляется, что ими в значительной степени руководят личные обиды, нереализованные амбиции и особенности характера.

Кстати, среди составителей этой резолюции есть и небесталанные люди. Жаль, что по поводу содержания Кодекса нам от них ничего не удалось узнать. Все только о нас, грешных.

А дисциплинарная практика – это огромный, сложный, неоднозначный пласт адвокатской деятельности, вполне достойный того, чтобы им занимался на федеральном уровне отдельный орган, состоящий, кстати, из адвокатов, а не инопланетян. И единство в понимании сложных вопросов нам необходимо. Давно известно, что не может быть «законности казанской и рязанской».

– Еще одна, как сегодня принято говорить, новелла. Согласно существующему Кодексу, меры дисциплинарной ответственности могут быть применены не позднее 6 месяцев со дня обнаружения проступка и провинившийся привлекается к ответственности в течение года. Сейчас этот срок предлагается увеличить до двух лет. Чем это продиктовано? Палаты и так перегружены жалобами, которые, на проверку, зачастую ничем не обоснованы. Об этом можно судить по огромному количеству прекращенных «дисциплинарок». Представьте, насколько покрывают в разбирательствах квалификационных комиссий и советов палат, если срок, в течение которого жалоба может быть принята к рассмотрению, увеличить до двух лет.

– Это предложение внес один из коллег – региональных президентов. Рабочая группа сочла его достаточно

В свое время я вел достаточное количество уголовных дел, и среди моих подзащитных встречались люди, увидев которых сейчас, я бы перешел на другую сторону улицы сразу.

аргументированным. Но решать, повторяюсь, Совету и Съезду. Мое отношение к этой идее нейтральное.

– Я убедительно прошу вас обязательно оставить эту поправку. Объясню, почему. Помните, пару лет назад в «Российском адвокате» был опубликован громкий материал «Смычка», который вызвал большой резонанс в адвокатском сообществе. В этом очерке рассказывалось, как адвокат Салимжан Жансугуров из Адвокатской палаты Московской области вместе со следователем предложил матери подзащитного, одной воспитывающей сына Сергея, заплатить ему 20 тысяч долларов за то, что он, определив ее сына в тюремную больницу (у парня тяжелая форма астмы), добьется его освобождения. Конечно, у бедной женщины таких денег не было, хотя она заплатила адвокату все, что у нее было, – 40 тысяч рублей. В итоге Сергей просидел в СИЗО полтора года и, крепко подорвав свое здоровье, как ни в чем виновный – что совершенно бесплатно доказала другой адвокат этой же палаты – вышел на свободу. Квалификационная комиссия приняла решение лишить Жансугурова статуса адвоката. Это посоветовал и Минюст, руководствуясь жалобой В. Никифоровой. Но Совет палаты не утвердил этого решения из-за того, что истек срок возбуждения дисциплинарного производства. Образно сказал тогда Алексей Павлович Галоганов: «Жансугуров уполз за ковер».

Думаю, чтобы очистить нашу корпорацию от таких жансугуровых, и необходимо ввести срок возбуждения дисциплинарного производства – два года, чтобы было время на разбор «полетов».

Кстати, на упоминавшемся ранее съезде Федерального союза адвокатов внимание делегатов было приковано к факту, когда статус адвоката получают люди, ранее совершившие тяжкие преступления, «отмотавшие» свой немалый срок, вышедшие на свободу, у которых со временем снимается судимость. Одно дело, когда человек в силу непредвиденных обстоятельств совершил ДТП и получил наказание,

другое – когда человек в одной из палат купил себе статус адвоката. О таких фактах в нашей редакции – целое досье. Было предложено в новом Кодексе прописать: людям с криминальным прошлым дверь в адвокатуру наглухо закрыта.

– Прежде всего, я поражен реакцией наших коллег, которые говорили о ранее судимых людях с неким презрением, отчуждением. И говорили много, пафосно. Не понимаю адвокатов, которые с презрением относятся к осужденным. Это как, например, если бы врач презирал больных.

В свое время я вел достаточное количество уголовных дел, и среди моих подзащитных встречались люди, увидев которых сейчас, я бы перешел на другую сторону улицы сразу. Но, честно признаюсь, о большинстве моих подзащитных сохранил достаточно позитивные, как минимум, нейтральные воспоминания.

И еще. Вы сказали, что, возможно, человек в одной из палат купил статус адвоката. По-моему, наказывать прежде надо того, кто его продал. Потому что он продал больше, чем статус, он всех нас продал.

Что касается адвокатов – бывших заключенных, которые создали свою контору, кажется, в Мордовии, то слышал, что клиентов у них много. Вот коллеги и завидуют. Но наличие погашенной судимости не должно быть основанием для презрения. Для него есть несколько иные основания. Например, трусость и серость. Хотя и эти качества нужны – как иначе узнаешь, что есть доблесть и красота.

– В существующем Кодексе меры дисциплинарной ответственности выглядят так: замечание, предупреждение, прекращение статуса. В новом Кодексе между предупреждением и лишением статуса появилась новая «прокладка» – запрет на осуществление адвокатской деятельности на срок до одного года, или вариант – дисквалификация на срок до одного года. Чем продиктована эта новация?

– По-моему, здравым смыслом. Дело в том, что любая шкала ответственности должна быть адекватной, разум-

Спорим, предлагаем...

▲ Будни рабочей группы

ной, эффективной. То, что есть сегодня, на мой взгляд, этим требованиям не соответствует вовсе. Потому что у нас замечание не каждый может отличить от предупреждения. А следующая мера – сразу лишение статуса. С учетом того, что у нас восстановление в профессии не особенно хорошо прописано, то это, по сути, лишение права на профессию на всю оставшуюся жизнь.

Не может здравая корпорация позволить себе такого разрыва, поэтому нужно было предложить механизм, который адекватно реагировал бы на те или иные проступки. Тем более, это и исторически обоснованно.

Кстати, в совершенно свежем украинском законе об адвокатуре указана такая мера, как приостановление права на занятие адвокатской деятельностью на срок от одного месяца до одного года.

– Юрий Сергеевич, все же хочу вернуться к фактам продажи статуса адвоката. Об этом много лет идет дискуссия (пусть и закулисная) в нашем сообществе. Может, стоит что-то существенное внести в новый Кодекс?

– Известны случаи, когда есть основания предполагать факт продажи статуса людям, не имеющим достойного образования.

А есть другая ситуация – когда с адвоката, которого принимают в корпорацию с формальным соблюдением всех правил, берут вступительные взносы в десятки, а то и сотни тысяч рублей. Это вызывает много вопросов, но здесь имеется правовая основа: человек вступает в корпорацию, у которой есть имущество (помещения, ком-

пьютеры и т.д.), поэтому должен внести какие-то деньги, чтобы компенсировать затраты на приобретение этого имущества, компенсировать некоторые расходы на организацию сдачи экзаменов и т.д.

– Вот вы говорите вещи, которые не прописаны в Кодексе...

– Они прописаны в решении Совета Федеральной палаты адвокатов. По мнению Совета, такого рода взносы могут быть, но должны носить, во-первых, компенсационный, а во-вторых, разумный характер. Я не уверен, что взнос, например, в 300 тысяч рублей соответствует этим критериям.

– А что, есть и такие цифры?

– Примерно такие. И мне кажется, что при условии уплаты такого вступительного взноса неуспешно сдать экзамен претенденту сложно.

– Есть еще одна проблема, которую, на мой взгляд, следует прописать в основном Кодексе. Мы знаем, в нашей корпорации существуют люди с червоточкой: адвокаты – вымогатели, адвокаты – несуты. Есть адвокаты, которые, участвуя в процессе по назначению, подписывают в интересах следствия и суда любые документы. «Российский адвокат» не раз писал об этом. Помните, в Иркутске из-за болезни адвоката Юрия Виго к обвиняемому Александру Герасимову «подогнали» адвоката Сорокина, который «подмахнул» все, что требовали следователи. К чести наших иркутских коллег, Совет палаты лишил адвоката-угодника статуса. Правда,

отлучение длилось недолго – «наш самый справедливый суд в мире» быстро его восстановил. Подобная картина наблюдалась недавно в Москве, когда по делу Рамаза Дзенеладзе, у которого были три адвоката по соглашению, судья допустил к нему по назначению четвертого – господина Мурадяна (я, кстати, звонил об этом Генри Марковичу Резнику, но это дело «ушло в песок»), который своими действиями свел на нет усилия коллег. Вам не кажется, учитывая выше-названные примеры «подсадных» уток, что в Кодексе необходимо прописать: «Адвокат не вправе действовать вопреки воле подзащитного».

– И современная, ныне действующая редакция Кодекса запрещает адвокатам занимать позицию, противоположную воле доверителя. Тем не менее случаи, когда адвокаты действуют не как адвокаты, а как добровольные помощники следователя, нередки. Борьба с этим явлением можно и сейчас, но зачастую не хватает воли и желания некоторым из руководителей адвокатских палат. Кстати, поправки в Кодекс могли бы в этом деле им серьезно помочь.

– *Определяет ли новый Кодекс взаимоотношения параллельно существующих адвокатуры и частнопрактикующих юристов – так называемых «вольных стрелков»? Ставился ли вопрос об определении их взаимоотношений в Кодексе?*

– Нет, этот вопрос остался вне сферы регулирования Кодекса. Но если уж зашел разговор на эту тему, то я объясню свой подход.

Прежде всего, никто не знает масштабов проблемы. Совет ФПА некоторое время назад попросил членов Совета и президентов региональных палат попытаться установить количество «вольных стрелков». Но нам так и не удалось получить достоверной информации.

В частности, президент АП Калининградской области Евгений Галактионов в свое время направил стажеров и молодых адвокатов к судам и попросил их опросить людей, идущих в суд в качестве представителей по гражданским делам. Соответственно, у него появились какие-то цифры, но они не были показательными. В некоторых городах, например, в Сарове или Арзамасе, их примерно столько же, сколько и адвокатов, а в Почепе и Трубачевске нет вовсе. Много – в Москве, Екатеринбурге, Питере... Точно никто не знает.

Я, например, полагаю, что если адвокатов у нас в стране около 70 тысяч, то частнопрактикующих юристов – от 50 до 100 тысяч. И считаю, что нет смысла бороться с ними. Есть два способа решения этой проблемы.

– *Озвучьте, пожалуйста, какие?*

– Первый – должна быть введена адвокатская монополия на судебное представительство. Второй – нам сле-

дует принять всех так называемых «вольных стрелков» в адвокатуру, поглотить их.

– *Просто дать им статус адвоката без сдачи квалификационного экзамена? На каких условиях?*

– Первое – образование, признаваемое нами. Второе – подтвержденный стаж работы: 3 – 4 года. И самое главное, как вариант, – рекомендации трех адвокатов из региона, в палату которого частнопрактикующий юрист поступает. В свое время мы объединились с «параллельной» адвокатурой. И ничего, притерлись, живем. Наше упорство в желании всех проэкзаменовать может привести в тупик, сделать ситуацию неразрешимой.

– *Заканчивая нашу беседу, хочу вернуться к тому, с чего мы начали разговор. Если пользоваться военной терминологией и рассматривать сегодняшнюю обстановку как некий боевой плацдарм, не кажется ли вам, что работа над проектом нового Кодекса профессиональной этики адвоката – это отвлекающий маневр со стороны незримого «противника»? Пока мы ломаем копыя и портим друг другу нервы, основные действия войск развернутся совсем в другом месте – Минюст келейно проведет через Госдуму подготовленный им Закон об адвокатуре, который позволит окончательно нас стреножить, оседлать и ликвидировать адвокатуру как институт гражданского общества. Вас это не пугает?*

– Все наоборот. Подозрения в том, что кто-то маневрирует с поправками в Кодекс, и есть самый что ни на есть отвлекающий от решения насущных задач маневр. Если адвокаты и дальше будут заниматься своей судьбой примерно так, как сейчас, – пугать друг друга, оскорблять, подозревать и затевать по каждому пустому поводу чрезвычайные съезды, писать в различные структуры коллективные письма – склочничать в общем, то, конечно, нас

обязательно «стреножат», ибо такая публика легко может быть побита. Но этого не произойдет, если адвокатское сообщество будет доверять людям, которых избирают в качестве руководителей в советы региональных палат и в Федеральную палату адвокатов, а эти люди не будут

забывать о том, что они должны прежде всего беспокоиться о корпорации, а не только о себе.

Мы должны предлагать такие идеи, чтобы государство и общество понимали: адвокатура способна самостоятельно справиться со своими проблемами. Вот тогда нас никто не «оседлает».

Беседу вел **Роман ЗВЯГЕЛЬСКИЙ**,
главный редактор журнала «Российский адвокат»
Фото **Виталия АЛТАБАЕВА**

Подозрения в том, что кто-то маневрирует с поправками в Кодекс, и есть самый что ни на есть отвлекающий от решения насущных задач маневр.

О НАСУЩНЫХ ПРОБЛЕМАХ

Очередное заседание Совета Федеральной палаты адвокатов РФ началось с поздравления с днем рождения президента Адвокатской палаты Республики Татарстан Людмилы Дмитриевской. Евгений Семеняко от имени адвокатского сообщества поздравил именинницу с юбилеем и отметил, что Людмила Митрофановна наделена редким качеством – за что бы она ни бралась, у нее все получается блестяще. Большой профессионал, грамотный, авторитетный и уважаемый руководитель. А кроме того, эта женщина наделена от природы красотой и обаянием.

После торжественной части собравшиеся приступили к обсуждению повестки дня.

Президент ФПА РФ Е.В. Семеняко рассказал коллегам о том, что представители Федеральной палаты адвокатов по приглашению руководства Министерства юстиции несколько раз принимали участие в обсуждении вопросов, связанных с разработкой концепции регулирования сферы оказания квалифицированной юридической помощи. Минюст также выразил готовность и в дальнейшем привлечь ФПА для работы над проектом закона о системе оказания квалифицированной юридической помощи, дабы учесть и позицию адвокатской корпорации.

Также Евгений Васильевич довел до сведения присутствующих, что буквально накануне Совета Государственная дума приняла уже в третьем чтении проект федерального Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования», где, пусть и не в полном объеме, но все же были учтены просьбы Федеральной палаты адвокатов относительно увеличения страховых взносов для адвокатов. (Когда номер уже готовился к печати, стало известно, что законопроект одобрил и Совет Федерации.)

Согласно первоначальной редакции законопроекта, принятой в первых двух чтениях, фиксированный страховой взнос должен был рассчитываться исходя из двукратного минимального размера оплаты труда в 2013 г., 2,5-кратного – в 2014 г. и 3-кратного – в 2015 г. И это не предел. С учетом повышения МРОТ

▲ Счастья Вам, дорогая Людмила Митрофановна!

▼ Дискуссии были жаркими

к 2020 году данная сумма могла дорасти до 90 тысяч. При этом для самозанятых граждан предполагалось сохранение общего тарифа страховых взносов в Пенсионный фонд РФ в размере 26%, в то время как для плательщиков страховых взносов – работодателей продлевалось действие пониженного тарифа в размере 22%.

Такой подход к совершенствованию тарифной политики представлял большую угрозу развитию адвокатуры, выполняющей возложенную на нее государством публично-правовую функцию по защите прав, свобод и интересов граждан, обеспечению их доступа к правосудию.

Но благодаря стараниям ФПА РФ (в адрес председателя Государственной думы РФ С.Е. Нарышкина и председателя Комитета по труду и социальной политике А.К. Исаева были направлены официальные письма с просьбой не допустить крайне негативных последствий в связи с возможным принятием законопроекта в той редакции, в какой он есть) адвокаты будут платить в ПФР те же 26%, но не от трех МРОТ, как предполагалось изначально, а от двух. Кроме того, эта цифра будет фиксированной.

По мнению Е.В. Семеняко, такой результат нужно расценивать как достойный компромисс.

О ходе работы над проектом поправок в Кодекс профессиональной этики адвоката проинформировал первый вице-президент ФПА РФ Ю.С. Пилипенко. Он рассказал, что рабочая группа получила более 150 предложений по изменению и дополнению в Кодекс. Все они были сведены в единую таблицу.

Одни коллеги из регионов предлагали не вносить дополнения, а подготовить принципиально новый Кодекс. Другие высказывались категорически против относительно каких-либо изменений. Третьи выдвинули идею, что нужно иначе компоновать сей документ, разбив его на статьи по смыслу.

Между тем каждая обоснованная позиция рассматривалась детально. Работа была проделана колоссальная. Теперь осталось дождаться мнения всего адвокатского сообщества.

К сказанному Евгений Васильевич лишь добавил, что все поправки должны быть строго выдержаны в рамках действующего Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». А также попросил коллег коснуться и такой наболевшей ныне проблемы, как некорректное самопродвижение. Это касается и неэтичных выступлений адвоката в средствах массовой информации, и различного рода рекламы.

Работы, конечно, предстоит еще немало, однако, как верно заметил Е.В. Семеняко, решение, принятое членами нашей корпорации, будет иметь существенное значение для ее будущего, ибо сейчас важно понять, в каком направлении двигаться дальше: будем ли мы пытаться привести Кодекс в соответствие с теми вызовами, с которыми столкнулись за десять лет реализации закона и Кодекса, или сочтем, что никаких кардинальных изменений вносить не следует и стоит ограничиться лишь косметическими изменениями.

Наш корр.

Фото **Виталия АЛТАБАЕВА**

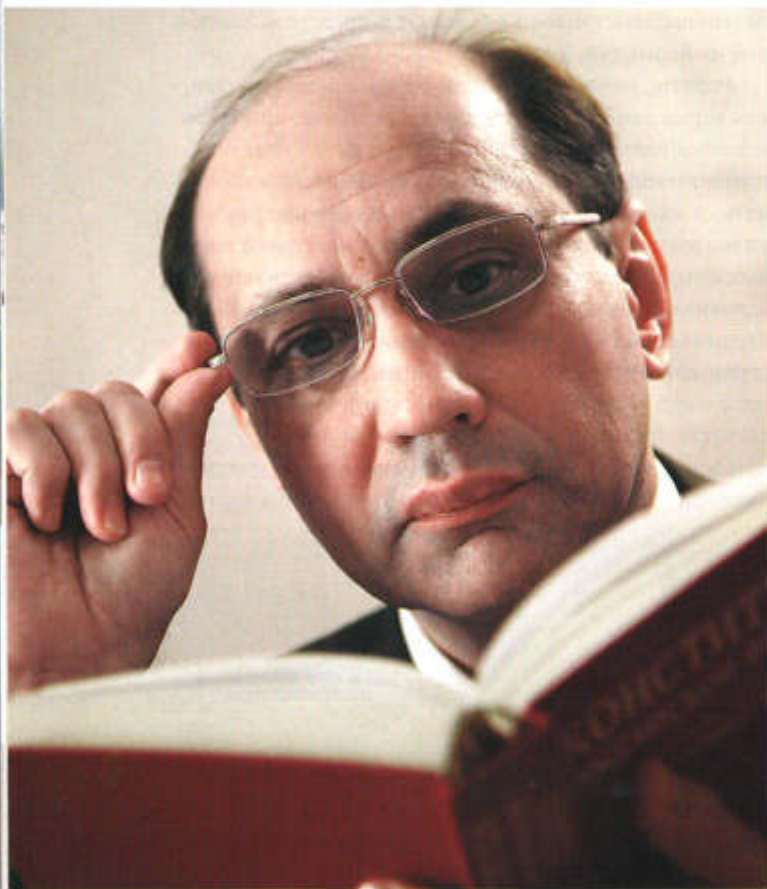
ВЛАСТЬ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ

«Законы пишутся для обыкновенных людей, потому они должны основываться на обыкновенных правилах здравого смысла».

Т. Джефферсон

«Один несправедливый приговор влечет больше бедствия, чем многие преступления, совершенные частными людьми; последние портят только ручки, только одинокие струи воды, тогда как несправедливый судья портит самый источник».

Ф. Бэкон

Вы в адвокатуре сильных или обычных? С такого вопроса начался мой прием 73-летней Л.И. Толстой. Из-за 16-летнего неисполнения решения суда пенсионерка осталась без жилья, регистрации, медпомощи, социального обеспечения. На стол легли два пудовых тома отписок инстанций всех уровней. Результат – «0»!

За 36 лет совокупного опыта во власти и адвокатуре с таким казусом я столкнулся впервые.

Отказ от безнадежного дела был бы приговором для ветерана, которая находилась за гранью отчаяния.

Было очевидно, что способ разрешения искать бесполезно, его нужно изобретать. Нет, без претензии на Нобелевскую премию, но на уровне революционного открытия в науке. Точкой опоры должен был стать ответ на собственный вопрос: «С чем имею дело? С частностью или закономерностью?».

Муки поиска длились три минуты. Именно столько я выслушивал второе обращение ответчика, вызванного к мировому судье по наследственному спору, подсудного исключительно судьям федеральным.

За один прием число выявленных проблем правосудия превзошло любые ожидания.

Современному адвокату в России остается только одно – творить чудеса. Без вариантов.

Во всех вышеозначенных случаях была изобретена уникальная правоприменительная формула. Доверители увидели свет в конце туннеля.

Однако система непобедима. Никто и никогда не даст гарантии, что решение суда будет реально исполнено. Как, когда, при каких обстоятельствах общество будет застраховано от судебных ошибок, произвола судебных чиновников и откровенного глумления над истиной и законом? Попытаюсь в меру сил приблизиться к ответу.

Первое. Начнем с конца. Авторы судебных реформ, видимо, не задумывались, что заблокировать судебное решение могут рядовые служащие. Например, достаточно секретарю суда в исполнительном листе допустить ошибку в дате рождения должника и неминуем возврат такого документа. Переоформление и новые процедуры могут занять от двух месяцев до одного года. За это время может умереть должник-гражданин или обанкротится должник-фирма и т.п. В итоге вы получите акт о невозможности исполнения судебного решения или 16 лет борьбы, как в нашем первом примере.

О «подвигах» судебных секретарей можно написать многотомный труд. Как правило, это – вчерашние школьники или студенты-заочники с нулевым балансом профессиональных знаний. Учеба, практика и работа

соединены здесь в одном стакане. Морально-этическое воспитание данного кадрового звена ничем и никак не предусмотрено. Внешний вид соответствует отношению к работе. Девушки в одежде часто путают суд с пляжем или клубом, юноши – со спортзалом. Ответственность за мизерную зарплату – соответствующая. Представляется, что пора ввести форменную одежду для служащих судов, обязанности регламентировать уставом, как в армии, а кадры готовить в специальных техникумах или колледжах. Основанием допуска к работе должен быть специальный диплом или аттестат.

Второе. А судьи кто? Народ – суверен власти – этого не знает. Только видит. Основной приток из вышеупомянутых секретарей и помощников. Судьи стремительно молодеют. Однако критерии кадровой политики неясны. Точнее, это ныне тайна.

Предана забвению классическая формула подбора и расстановки кадров, а именно: совокупная оценка личных, деловых и моральных качеств кандидата.

Ранее формирование юридического корпуса начиналось с поступления в вуз. Наряду с документом об образовании требовалась характеристика, а в ряде случаев и специальные рекомендации, имелись как ограничения, так и конкурсные преимущества. Ныне достаточно одного желания и сведений о ЕГЭ.

Ранее судьи избирались. Биографии кандидатов публиковались в прессе.

Ныне сведения о судьях судов общей юрисдикции – тайна за семью печатями. Как видно, законодательные установления гласности и открытости правосудия не соотносятся с закрытостью процедуры подбора и назначения судей. За этим следуют цепь проблем и **ответ номер три.**

К примеру, в отличие от АПК РФ заявление об отводе судьи по ГПК РФ рассматривает сам судья на самого себя, что противоречит основополагающему принципу беспристрастности суда.

Адвокаты неоднократно требовали изменить «мертвую» норму. Нас не слышат.

До суда апелляции любые нарушения судьи неустраняемы и, что самое опасное, – ненаказуемы.

Единичны случаи, когда председатель Мосгорсуда по жалобам граждан выносит вопрос о привлечении судей к дисциплинарной ответственности в квалификационной коллегии. Так известны факты наложения взысканий почти на всех судей-цивилистов Савеловского райсуда, коллективной отставки судей Пресненского райсуда, лишения полномочий судей Бабушкинского и Тверского судов. **Однако закрытость процедуры не имеет воспитательного эффекта.**

Если бы эти вопросы были вынесены на обсуждение по центральному каналу ТВ, виновных судей заставили бы публично принести извинения, а действующих судей и будущих назначенцев обязали бы ответить на вопросы народа о причинах злоупотреблений, повторений было бы меньше.

Четвертое, или самое важное. Нет баланса сочетания опытных и молодых кадров. Нет преемственности лучшего опыта. Две статьи «Арбитражный зуд» в «Московском комсомольце» все сказали по данному поводу. Однако никакой реакции конституционных лиц нет и не было.

Великий Цицерон отметил: «Кто знает, что первый закон истории – бояться какой бы то ни было лжи, а затем не бояться какой бы то ни было правды?»

Думаю, вряд ли руководители судебной системы избрали бы себе для операции вчерашнего выпускника вуза вместо опытного хирурга. Мы же в судах, благодаря современным устоям, выбора лишены.

Оказавшись в совещательной комнате один на один со сложным делом, судья-юноша, не имеющий семьи, не рожающий детей, должен решить судьбу ребенка или всей семьи сразу. А девушка-судья, никогда не работавшая руководителем организации, должна вынести решение о банкротстве градообразующего предприятия. Здесь бы судьи – народные заседатели с опытом жизни и профессии помогли, да в большинстве случаев суды стали единоличны. Тут-то опыт и компетентность подменяются принципом судебного усмотрения. Нет прямой нормы права, регулирующей спорные отношения, нет знания судебной практики, нет опыта жизни, значит, приму решение, которое легче и быстрее. Если что, есть апелляция, кассация – там исправят.

Я бы не хотел, чтобы у читателя сложилось мнение, что страна на грани судебной катастрофы. Мне известны опытные и достойные огромного уважения судьи, составляющие профессиональное ядро и гордость судебной системы. Но, к сожалению, с каждым годом их становится все меньше. Тотальное омоложение кадров стало явлением. Любым процессом надо грамотно управлять. Я и другие мои коллеги неоднократно ставили на различных уровнях вопрос о необходимости совместного Всероссийского совещания судей, адвокатов и нотариусов по проблемам эффективности правосудия. Задача трудная. Нужны гражданская смелость и мужество для решения вопроса в высоких инстанциях. Но ситуацию надо спасать. Если за медицинской помощью мы можем уехать за рубеж, то судить нас будут только на Родине.

Когда великий Паганини обнаружил, что завистники оборвали ему струны на скрипке, он с успехом отыграл концерт на одной оставшейся. И никто не заметил. Играл Мастер.

Иногда мне кажется, что адвокаты играют на одной струне. Но таких все меньше. И не замечать этого очень опасно!

Роман КРУГЛОВ,
почетный адвокат России, доктор юридических наук,
собкор. журнала «Российский адвокат»
в Государственной думе ФС РФ
Фото Захара РОМАНОВА

НАРОДНОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ НАРОДНОГО АРТИСТА

Недавно Замоскворецкий районный суд города Москвы вынес беспрецедентное решение. Он постановил взыскать с управляющей компании «Декра-Стройэксплуатация» в пользу актера Андрея Соколова более 12 млн. рублей в качестве возмещения материального вреда, причиненного вследствие некачественного оказания услуг по охране дома. Интересы народного артиста представлял адвокат Игорь Симонов. О том, какие трудности они преодолели на пути к победе и что еще предстоит сделать, он рассказал в интервью нашему журналу.

— Данное дело началось больше года назад. В августе 2011 года в квартиру народного артиста Андрея Алексеевича Соколова проникли неизвестные и похитили имущество на сумму 12 238 041 руб. 50 коп. Было заведено уголовное дело. Позднее мы подали гражданский иск к

управляющей компании «Декра-Стройэксплуатация» и привлекли в качестве третьего лица известное его частное охранное предприятие «Фортуна-Ъ». В процессе проведения оперативно-разыскных и следственных мероприятий был задержан подозреваемый Павел Счастливый. Он со-

знался в судебно-медицинском центре, подтвердил свои показания на месте и был привлечен к уголовной ответственности. Вынесенное решение по его делу помогло мне в гражданском процессе. Мы смогли обосновать возможность использования данных обстоятельств как презумпции, то есть не требующих доказывания. Если бы человек не был пойман, у нас не было бы фотопланира, то пришлось бы доказывать размер материального ущерба.

— Примерно Замоскворецкий районный суд Счастливый был осужден на шесть лет лишения свободы. Как развивались события в гражданском деле?

— Выдвигая иск против управляющей компании, мы опирались на Закон РФ «О защите прав потребителей», согласно которому вследствие некачественности оказания услуг производится или оказываемой услуге

В процессе бьемся спина к спине (слева направо: Игорь Симонов и Андрей Соколов)

субъект несет ответственность. Причем в договоре с охраняемым предприятием, которое наняла управляющая компания, указано, что они берут на себя обязательство не допускать посторонних лиц на территорию, контролировать внос и вынос материальных ценностей, ведение ремонтно-отделочных работ. В случае появления шума они обязаны установить его источник. Если шум связан с противоправными деяниями, охранники обязаны принять меры, задержать преступника, вызвать сотрудников полиции.

В нашем деле мы доказывали причинно-следственную связь между бездействием управляющей компании в лице ЧОП и причиненным вредом. Это было сделано на основании положений договора, заключенного между частным охраняемым предприятием «Фортуна-Л» и управляющей компанией «Декра-Стройэксплуатация», а также должностной инструкции, согласно которой должны были действовать охранники. Обстоятельства дела показывают, что если бы они руководствовались данными правилами, кражи бы не было. В их обязанности входит каждые два часа обходить периметр дома, проверять, закрыты ли запасные выходы. Так вот, дверь, через которую прошли преступники, была открыта с 18 часов вечера до 10 утра. Более того, злоумышленники разрезали болгаркой сейф, причем делали это в воскресенье, в 9 утра, когда запрещено проводить строительно-отделочные работы. Любой шум в этот период должен был указывать на то, что совершается нечто противоправное. Охранники это проигнорировали. Совокупность данных обстоятельств позволила говорить о том, что ЧОП и управляющая компания не выполняли возложенные на них функции. Доводы ответчика относительно того, что Соколов сам должен был охранять свою квартиру, – полная нелепица.

– Но вы все же отстаивали свою позицию, и суд вынес решение в вашу пользу. Тяжело было этого добиться?

– Да, мы столкнулись с очень сильным сопротивлением со стороны ответчика. С самого начала они не хотели обсуждать произошедшее. У них была принципиальная позиция: это ваши проблемы, делайте что хотите, но ничего у вас не получится. Напирали на то, что никак в этом не участвовали, все их действия были правильными и платить они не собираются. Наверное, это и определяло психологическое отношение охранников к службе. Они считали, что за имущество в квартирах отвечать не должны. Это не их проблемы. Может, теперь, когда об этом говорят, начнут задумываться.

Сейчас мы размышляем, как сделать так, чтобы и другим людям была польза от созданного прецедента. Ведь государство существует для людей, и нормы закона должны строиться таким образом, чтобы соблюдались права и свободы, гражданам было комфортно жить и работать.

– Как противная сторона обосновывает юридически такую категоричную позицию?

– Представители управляющей компании настаивают, что отношения между ними и жильцами являются

договорными и не регламентируются Законом РФ «О защите прав потребителя». По их мнению, любые искивые требования должны предъявляться к преступнику, совершившему преступление. Мы же доказали, что это гражданско-правовые последствия и компенсацию должна выплачивать управляющая компания.

Сразу после вынесения решения они заявили, что будут обжаловать его во всех инстанциях. Настолько у них непримиримая позиция. Не знаю, то ли тут личные мотивы, то ли, действительно, такая правовая оценка.

– Сейчас настало время подачи апелляции. Управляющая компания явно будет оспаривать вынесенное решение. Намерены ли вы предпринимать дальнейшие шаги?

– Мы тоже планируем подать апелляционную жалобу, поскольку считаем, что суд назначил необоснованно низкую сумму компенсации морального вреда – 10 тысяч рублей. Даже по искам о защите чести и достоинства взыскивают не меньше 100 тысяч. А в данном деле причиненный вред гораздо больше. Надо же принимать во внимание обстоятельства: человек находился на съемках в другом городе, ему пришлось сорваться и уехать домой. Да и преступники действовали с особым цинизмом: пришли в квартиру, поспали, вымылись в душе, выпили кофе. Это тоже не может не сказываться на психике потерпевшего. Так что 10 тысяч – это очень мало.

– Как ваш подзащитный отнесся к вынесенному решению?

– Позитивно. Мы проделали большую работу. Хотя, честно говоря, были сомнения, что подобное решение возможно. Есть некая система, по которой работает суд. На протяжении многих лет создаются одни прецеденты, а когда ты идешь против системы, очень мала вероятность того, что кто-то шагнет тебе навстречу и разделит твою позицию. Мы решили попробовать – получилось. Тут сошлось много обстоятельств: и личность человека, и то, что преступника нашли, и то, что судья услышала нас, приняв справедливое и обоснованное решение.

– Тяжело ли для адвоката вести подобные дела из-за большого внимания к ним со стороны общества?

– Наоборот. Как правило, звезды являются ньюсмейкерами, журналистам интересно освещать такие процессы. Подключаются ресурсы публичности, которые зачастую помогают объективности. Судьи тоже понимают, что подобные дела имеют большой общественный резонанс, о них известно и председателю суда, и, возможно, председателю Мосгорсуда. Все это порой оказывается чуть ли не решающим моментом. Не писали бы СМИ о деле Андрея Соколова, не будь его имя довольно известным, возможно, и решение было бы совершенно иным. Люди поддерживали Андрея в его стремлении добиться торжества закона. Очень приятно, что суд оказался солидарен.

Беседовала **Марьяна ПИСКАРЕВА**,
спецкор «Российского адвоката»
Фото автора

СТРАХОВЩИКА ПОПРАВИТ СУД

Чтобы снизить страховые выплаты пострадавшим в результате ДТП, страховые компании все чаще пользуются различными уловками. Как правило, такие действия носят незаконный и необоснованный характер, что подтверждает судебная практика. Чтобы добиться наиболее благоприятного для пострадавшего решения, необходима помощь не только адвоката, но и специалистов в области автотехнических экспертиз, а также профессиональных оценщиков, имеющих лицензии на осуществление данного вида деятельности. Без этого трудно добиться успешного разрешения спора.

Приведу пример из собственной практики. Мой доверитель Роман С., управляя автомобилем «Тойота Чайзер», попал в ДТП с автомобилем «Ниссан АД», водитель которого был признан виновным в происшествии, что подтверждается постановлением по делу об административном правонарушении. Так как машина последнего была застрахована по программе ОСАГО в страховой компании «РОСНО», то в счет возмещения ущерба на основании экспертизы, проведенной в «Вега-центре», она выплатила ему менее 33 тыс. руб. Посчитав эту сумму явно заниженной, мой доверитель обратился в региональный экспертно-оценочный центр «Вымпел» с заявлением о производстве экспертизы. По заключению экспертов, стоимость восстановительного ремонта автомобиля (с учетом стоимости деталей и амортизационного износа) обойдется моему доверителю более чем в 102 тыс. руб. Обращаясь с иском в суд, мы просили взыскать с ответчика разницу между стоимостью восстановительного ремонта транспортного средства и выплаченной суммой страхового возме-

нения в размере 87 274 руб., а также расходы, связанные с проведением экспертизы в ООО «РОЗЦ «Вымпел» в сумме 2 163 руб., оплатой юридической помощи в сумме 34 000 руб., и оплатой госпошлины. Обращаясь в экспертную организацию, мы также обратили внимание на то обстоятельство, что эксперты, проводившие экспертизу на основании заявления страховой компании «РОСНО», не имели допуска к производству автотехнических и товароведческих экспертиз. Данное обстоятельство повлияло на то, что суд, назначая экспертизу, обоснованно опроверг доводы страховой компании об отсутствии необходимости в проведении дополнительной экспертизы, считая, что заключение экспертов не может быть признано допустимым доказательством в гражданском процессе.

Обосновав свои исковые требования, мы исходили из требования ст.1 ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ОСАГО), где сказано, что на основании договора страхования при наступлении страхового случая страховщик обязан возместить потерпевшим причиненный вред на основании, то есть произвести

денежную выплату. А в соответствии со ст.7 названного закона, она составляет не более 120 тыс. руб. при возмещении вреда имуществу одного потерпевшего. Свои доводы мы также подкрепили содержанием тех пунктов действующих Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств от 07.05.2003 г., где говорится, что сумма страховой выплаты определяется в размере тех расходов, которые необходимы, чтобы привести имущество в состояние, в котором оно находилось до наступления страхового случая.

Как уже было сказано выше, изначально в суд было представлено заключение независимой технической экспертизы, согласно которому стоимость восстановительного ремонта автомобиля моего доверителя с учетом износа составила более 102 тыс. руб. Согласно п.2 Правил организации и проведения независимой технической экспертизы транспортного средства, утвержденных постановлением Правительства РФ от 24.04.2003 г. № 238, независимая техническая экспертиза транспортного средства проводится для того, чтобы установить обстоятельства, влияющие на выплату страхового возмещения. К ним, в частности, относятся наличие и характер технических повреждений автомобиля, причины их возникновения, а также технология, объем и стоимость его ремонта.

В судебном заседании я обратился с ходатайством о назначении дополнительной автотовароведческой экспертизы, которое суд удовлетворил. По заключению профессиональных оценщиков, стоимость восстановительного ремонта автомобиля моего клиента составила еще большую сумму, а именно – 170 тыс. руб.

Исследуя представленные нами доказательства, суд установил, что ответчиком – страховой компанией «РОСНО», выплачена сумма в размере всего 32 725,94 рубля, и пришел к выводу, что она обязана доплатить в пользу моего доверителя разницу в пределах суммы страхового возмещения в размере 87 274 руб., что подтверждается заключениями специалистов двух экспертиз.

В соответствии со ст.15 ГК РФ, суд посчитал подлежащим удовлетворению требование истца о взыскании расходов по оплате услуг специалиста по определению стоимости восстановительного ремонта в размере 2 163 руб., а также подтвержденные документально расходы по оплате автотовароведческой экспертизы в сумме 7 440 руб.

Для обоснования заявленного в исковых требованиях размера расходов на оплату услуг представителя мы представили в суд не только соглашение об оказании платной юридической помощи, но и приходный

кассовый ордер на сумму 34 000 руб. Суд принял во внимание характер спорных правоотношений, объем проделанной представителем работы, количество судебных заседаний, в которых я участвовал, а также разумные пределы оплаты услуг и удовлетворил наше требование.

В результате решением Центрального суда Хабаровска с ответчика – страховой компании «РОСНО» в пользу моего клиента в общей сложности было взыскано 133 695 руб., что в четыре раза больше суммы, изна-

Рис. Софья Бестужевой

начально выплаченной страховщиками. Каков же вывод? С недобросовестными страховщиками, необоснованно занижающими страховые выплаты пострадавшим в результате ДТП, можно и нужно судиться, особенно в тех случаях, если вы не согласны с выплаченной суммой. К сожалению, многие пока еще не желают тратить на проведение дополнительных экспертиз, очевидно, не понимая, что в случае успешного разрешения спора в суде эти расходы будут взысканы с проигравшей стороны и возвратятся к пострадавшему в результате ДТП.

Чтобы минимизировать финансовые издержки своих доверителей, в расчет суммы иска я сразу же включаю и затраты на юридическую помощь адвоката. Официальная оплата ими моих услуг через банк по минимальным расценкам, установленным Адвокатской палатой Хабаровского края, дает суду законные основания взыскать их с ответчика. В соответствии с ч.1 ст.100 ГПК РФ, по письменному ходатайству стороны, в пользу которой состоялось судебное решение, суд обязывает другую сторону компенсировать в разумных пределах расходы на оплату услуг представителя. А разумность пределов как раз и обосновывается установленными адвокатской палатой минимальными расценками.

Сергей КАРГИН,
адвокат АП Хабаровского края
Фото из личного архива автора

НЕТ ЕДИНООБРАЗИЯ – СТРАДАЕТ ЗАКОННОСТЬ

Минувший 2012 год стал юбилейным не только для нашего Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» – ему исполнилось 10 лет, но и для системы арбитражных судов Российской Федерации, которая отметила 20-летие. Оглянуться назад и вспомнить, как все начиналось, мы не случайно попросили президента Гильдии российских адвокатов, профессора Г.Б. Мирзоева. В свое время Гасан Борисович занимал должность Государственного арбитра г. Москвы, являлся членом коллегии Государственного арбитража столицы и руководителем службы по предупреждению нарушений законности в хозяйственной деятельности.

– Прежде всего, хочу поздравить судей и сотрудников арбитражных судов с прошедшим юбилеем. Основываясь на личных наблюдениях, могу смело заявить, что на протяжении двух десятков лет арбитражные суды доказывали (и продолжают это делать по сей день) свою эффек-

тивность при разрешении хозяйственных и административных споров.

Зарождение арбитражного судопроизводства в России пришлось на то время, когда происходили глобальные изменения в общественно-экономическом, государственном устройстве страны, в самом начале развития предпринимательства в России. В этих условиях создание арбитражных судов стало архиважным шагом на пути перехода к цивилизованным инструментам разрешения экономических споров между хозяйствующими субъектами.

Надо сказать, что поначалу, как, собственно, все новое, система развивалась не без сложностей. Но время все расставило по своим местам, и сейчас, особенно в последние годы, отчетливо видно улучшение работы судов, рост профессионализма кадров и престижа профессии.

Успешно внедренные по инициативе высшего Арбитражного суда РФ новые технологии не только прижились, но и незамедлительно дали свои плоды: появилась возможность, например, подать иск или жалобу по электронной почте, контролировать движение дела... Все эти новации уменьшили привычную волокиту до минимума и позволили сократить сроки рассмотрения дел, вследствие чего выросло качество судебных постановлений, появились открытость и информативность...

– Гасан Борисович, но давайте вернемся к истокам. Знаю, что вы принимали самое активное участие в становлении системы арбитражных судов. Расскажите, как это было?

– В эту сферу я попал в середине 80-х годов на должность исполняющего обязанности государственного арбитра. Работы, надо признаться, было немало. Предпринимательство только зарождалось и сразу же сталкивалось с массой проблем. А их нужно было как-то решать, в том числе и в судебном порядке.

Выступая на различных совещаниях и семинарах, я озвучивал вслух: хорошо бы, чтобы когда-нибудь в нашей стране арбитражное производство было выделено

в отдельную систему по аналогии с судами общей юрисдикции.

Осложнялось все еще и тем, что не было единства законов, напрямую регулирующих эту сферу деятельности.

Многие начинающие бизнесмены, не зная, как им поступить, шли со своими вопросами в государственный арбитраж, но консультировать их, по сути, мы не имели права, ибо могло возникнуть подозрение, что арбитры заинтересованы в том или ином исходе дела.

– И как выходили из положения?

– Тогда я предложил руководству создать при Госарбитраже г. Москвы некую структуру, куда руководители и работники предприятий могли бы обратиться за экономико-правовой помощью по вопросам, возникающим в условиях перехода от командно-административной системы к хозрасчету и самоокупаемости.

После нескольких обсуждений на высшем уровне было принято решение в порядке эксперимента создать государственную юридическую структуру нового типа – Московский государственный центр правовой помощи предприятиям по предупреждению правонарушений – «Госюрцентр Мосгорисполкома». Меня назначили генеральным директором. Спустя два года его преобразовали в Московский юридический центр Мосгорисполкома, а позже – в хозрасчетную муниципальную структуру «Московский юридический центр» Правительства Москвы.

Услуги, предоставляемые Мосюрцентром, пользовались большим спросом. Наконец-то оказанием юридической помощи в сфере предпринимательства стали заниматься профессионалы.

Со временем наш Центр решением правительства был преобразован в Коллегию адвокатов «Московский юридический центр», которая успешно ведет свою деятельность по сей день.

– Не секрет, что в свое время вы всячески поддерживали идею развития арбитражного судопроизводства и выделения его в отдельную отрасль, а сейчас придерживаетесь несколько другой позиции...

– Да, действительно, будучи депутатом Государственной думы, я активно поддерживал линию выделения арбитражных судов в самостоятельную ветвь. Но, даже несмотря на то, что система арбитражных судов успешно функционирует вот уже 20 лет, что, безусловно, имеет большое значение для всей судебной системы, считаю, что назрела необходимость создания единого высшего суда страны.

– Что вы имеете в виду?

– В своих недавних интервью, в том числе и «Российскому адвокату», я немного касался этой темы. Повторюсь. Сегодня, к сожалению, разные суды по одним и тем же основаниям, одному и тому же делу выносят порой диаметрально противоположные решения. И причиной тому – отсутствие единообразия практики правоприменения.

Когда-то одной главной инстанцией в стране, как и в большинстве цивилизованных государств, был Верховный суд. Он обобщал и анализировал судебную практику, давал рекомендации. Судья по любому вопросу мог открыть соответствующие разъяснения ВС СССР и найти ответ. Сегодня в России – три ветви судебной системы. Я глубоко уважаю Конституционный суд, там наши самые высокообразованные судьи – профессионалы юридической теории и практики, почти все – доктора юридических наук. Ничуть не ниже квалификация у судей Верховного и Высшего Арбитражного судов. Но их решения, увы, не исполняют ни законодатели, ни суды. Нет единообразия практики правоприменения – значит, страдает законность. И все это рождает недоверие к системе в целом.

– Какой выход вы видите из сложившейся ситуации?

– Я уверен, если бы все рекомендации в сфере конституционного и арбитражного правосудия и по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, принимались одним высшим судом, они были бы обязательны для исполнения. Возможно, пришло время подумать над тем, чтобы в стране функционировал один Верховный суд и единый общероссийский Судебный департамент с прямым финансированием из федерального бюджета. Кстати, такое слияние даст и реальную экономию бюджетных средств.

В одном высшем суде могут работать конституционная коллегия, арбитражная, административная, ювенальная и т.д. Но это будет единая система и будет обеспечен единый подход в правоприменительной практике, о чем будут знать люди. Сейчас доходит до абсурда. Человек идет в суд общей юрисдикции, но получает там отказ. Тогда он регистрирует некое ООО и обращается в арбитражный суд с тем же вопросом. И находит поддержку. Таких примеров, с которыми сталкиваются адвокаты, – пруд пруди, просто беда.

– Думаете, свою роль здесь играют деньги?

– Возможно, но не обязательно. Я не сторонник позиции, что российские судьи повально коррумпированы. Думаю, это совершенно не так. В судебском сообществе, в том числе и в арбитражных судах, немало высококвалифицированных специалистов, основным ориентиром для которых является закон.

– Скажите, а как вы относитесь к тому, что сегодня выступать в арбитражном процессе может не только адвокат, но и частнопрактикующий юрист?

– На мой взгляд, с целью защиты прав и законных интересов граждан представлять интересы доверителей должны профессионалы со статусом адвоката. Думаю, это станет следующей целью, которую нам предстоит достичь, и от слов перейти к делу, законодательно закрепить данное положение.

Беседовала Яна ПТИЦЫНА, заместитель
главного редактора журнала «Российский адвокат»
Фото Захара РОМАНОВА

ПРИГОВОР БЕЗ ИСПОЛНЕНИЯ

Минувшей весной по заданию редакции мне довелось присутствовать на одном из громких уголовных процессов в Кунцевском районном суде, интерес к которому проявляли многие СМИ и правозащитники. Во время перерыва я поинтересовалась у находившейся в зале женщины, какую организацию она представляет? «Я – Трофимова, – ответила она и на мой вопросительный взгляд с вызовом добавила: – Как? Вы меня не знаете? Обо мне все газеты писали. Я та самая «врач-убийца», осужденная за смерть ребенка...». Она хотела еще что-то сказать, но председательствующая объявила о продолжении заседания, и наш разговор закончился. Уже вечером почему-то вспомнился тот странный диалог и профессиональное любопытство заставило заглянуть в Интернет.

Как выяснилось, в июне 2007 года в Научный центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева РАМН попала 10-летняя девочка из Пскова – Анастасия Ефимова. После проведенной плановой операции у маленькой пациентки развилось воспаление с осложнениями. Но лечащий врач-кардиолог Елена Трофимова по небрежности так и не назначила ей адекватную антибактериальную терапию. Спустя два дня после выписки школьница умерла. В январе 2010 года Кунцевский районный суд Москвы вынес врачу приговор – два года лишения свободы в колонии-поселении. При этом ей на два года запретили заниматься медицинской практикой и обязали выплатить миллион рублей компенсации морального вреда бабушке погибшей девочки – Н. Ефимовой.

Эта история, о которой в свое время рассказывали СМИ, была принята мной к сведению и забыта. Увы, жизнь в информационном мире, насыщенном непрерывающимися потоком событий, не позволяет даже таким фактам надолго задерживаться в памяти. Прошло полгода, и в редакции «Российского адвоката» раздался неожиданный звонок. К нам за помощью обратилась бабушка погибшей Анастасии – Надежда Михайловна Ефимова. Убитая горем пожилая женщина надеялась, что после отбытия наказания Е. Трофимова даст о себе знать, скажет какие-то заглаживающие ее вину слова, но напрасно. Как выяснилось, исполнять свои материальные обязательства перед потерпевшей та явно не собирается.

– Со дня, как погибла внучка, Трофимова ни разу не позвонила, не извинилась, – плакала в телефонную

трубку Надежда Михайловна. – Когда мы вернулись из Москвы, Настенька не могла самостоятельно идти, домой ее несли на руках, а на следующий день она умерла... Смотрела по телевизору фильм «Анатомия протеста-2», как вдруг мелькнуло до боли знакомое лицо – в нем я сразу узнала Елену Ростиславовну и подумала: о гибели ребенка она не вспоминает... В кадре ее показали с теми, кто вроде бы защищает чьи-то права, а я не получила от нее ни одной присужденной копейки – обидно! Знакомые посоветовали мне самой хлопотать через судебных приставов или нанять адвоката, но ни сил, ни средств у меня на это нет.

Как только главный редактор «Российского адвоката» узнал о звонке, отреагировал мгновенно: пусть приезжает – поможем! Прошло пару дней, и мы, ранним утром встретившись с Надеждой Михайловной на Ленинградском вокзале, приехали в редакцию. Пока пили чай, наша гостья с горечью вспоминала тяжелые подробности тех событий, обернувшихся трагедией.

– В поезде Настеньке было плохо, на следующий день я один раз смогла дозвониться до Трофимовой, спросила: что делать с промокшей повязкой? Она что-то резко ответила, бросила трубку и больше ее не снимала, – смахивая слезу, говорила Надежда Михайловна. – А уголовное дело удалось возбудить только благодаря тому, что у меня на руках оказался температурный лист внучки. Когда, несмотря на мои возражения, ее поспешно выписывали, я взяла его с прикроватной тумбочки в палате и положила в сумку. На всякий случай. Затем передала его следователю – тот документ

Киртич
РОССИЙСКИЙ
КУНЦЕВСКИЙ РА
121351, г. Моск
УГОЛ
по обвин
сов
УА
ид
КУН
по обвин
сс
Кунце
районный суд
ЭКСПЕДИ
Поступило
31 0
Р. С.

Медицинское заключение

Ирина Трофимова Е. П.
Мать с.р. 4 мая 1965 года
г. Москва

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
УПРАВЛЕНИЕ ПО Г. МОСКВЕ
(УФСИН РОССИИ ПО Г. МОСКВЕ)

ФБУ КП-3
УФСИН России по
Московской области
Московская обл., г. Электросталь
ул. Горького, 40

ПРЕДПИСАНИЕ № 81

Осужденная Трофимова Елена Ростиславовна, 1965 года рождения,
(Фамилия, имя, отчество, год рождения)

в соответствии с приговором Кузнецкого районного суда г. Москва
27.01.2010
следует в распоряжение КП-3 УФСИН России по Московской области
г. Электросталь

куда обязана выехать по маршруту: Курский вокзал, до ст. Фрязино, авто
№ 42, маршрутное такси №№ 100, 102, 103 до остановки УМ-63

и прибыть не позднее 11 июня 2010 г.

Личное дело осужденной выслано в адрес исправительного учреждения.
Об ответственности за явку и соблюдение правил учреждения Трофимова Е.
предупреждена.

Начальник
УФСИН России по г. Москве
В. А. Дожуров

ПРИГОВОР
именем Российской Федерации

27 января

города Москва
ул. М.Д., с участком гос
курора ЗАО г. Москва 1
Выселившись, зайти
исполнения № К257, order
Ефимовой Н.М., пр
том судебном заседании

им, 21 июня 1965 года
регистрационной и про
40, к/рп. 1, кв. 12, гражд
ной, детей не имеет
ной, общепитовой и соц
УК РФ.

и том, что совде
исследованию неважно
обязанностей.
врач-кардиолога отде
тологии шумного и
РАМИ, рассмотрено
на эту долю научного центра сердце
и, являясь специалистом
струкции врач-кардиоло
патологии, утверждена
осуществляет хирургию и
организации терапевтическ
наследовших и кардиологии; функциональные методы исследования

операции больная была переведена в отделение патологии, а
затем в отделение хирургического лечения интерактивной патологии, где
далее лечение осуществляла лечащий врач Трофимова Е.Р. Обычно,
после такой операции, как операция, проведенная Ефимовой А.И. больная
находится на 6-8 сутки. Ответственность за лечение больного в
многопрофильной первой лежат на лечении врач, согласно утвержденной
доказательной инструкции. Заместитель по лечебной работе ставит свою
подпись при выписке больного, основываясь на общем состоянии больного,
и докладе лечащего врача, основанной на доверии которому у заместителя по
лечебной работе акт. (том 2, л.л. 101-104)

Ввиду подкулачной Трофимовой Е.Р. также подтверждает
материалы уголовного дела, которые проверены и исследованы
в судебном заседании:

протокола очной ставки между потерпевшей Ефимовой Н.М. и
подозреваемой Трофимовой Е.Р., в ходе которой Ефимова Н.М. подтвердила
данные ей ранее показания. Подозреваемая Трофимова Е.Р. указала на то, что
28.06.2007 года, при выписке Ефимовой Н.М. она руководствовалась
заключением обследования, составленным многопрофильной балнет
комиссионным решением, а также приобретением железнодорожных билетов
и постановкой прощальной Ефимовой Н.М. При этом 28 июня 2007 года
Ефимовой А.И. и Ефимовой Н.М. на боли и высокую температуру.

Кадр из фильма
«Анатомия протеста-2»
(слева направо:
Ольга Романова и
Елена Трофимова)

Медицинское заключение
Уголовное дело
Ирина Трофимова Е. П.
Мать с.р. 4 мая 1965 года
г. Москва

Прокуратура города Москвы
исследовала материалы уголовного дела № 2/09-001/001
КУ ДАНЕВУ Сергею Васильевичу
Уголовное дело по уголовному делу
БУТВИНЯЧРУ Евгению Александровичу

От потерпевшей по уголовному делу
люблю взысканию по ч.2 ст.109 УК РФ
Ефимовой Натальи Михайловны, 01 сентября 1945 г.
Адрес: Псковская область г. Псков
Ул. Шенгунина, д. 15

Представлено в интересах: Н.В. Абова
действующая на основании доверенности № 00 АА 0214
Псковская область г. Псков переулок Коммунаровский д. 2

Заявление
от обвиняемой Трофимовой Е.Р., признавшей виновной в совершении
заключенного ребенка Ефимовой А.И.

Киртичук М.
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МОСКОВСКИЙ РАЙОННЫЙ СУД ГОРОДА МОСКВЫ
51, г. Москва, улица Ярославская, дом № 12/1, каб. № 310

Уголовное дело № 1-8/2010
ТОМ № 4
Трофимовой Елены Ростиславовны в
преступления, предусмотренного
ст. 109 ч. 2 УК РФ.

Мед. заключение
Ирина Трофимова Е. П.
Мать с.р. 4 мая 1965 года
г. Москва

ДЛЯ СПРАВОК
ПОЛИКЛИНИКА
«27» апреля 2012г.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТ

№ 1-8/2010
Исполнительный лист
Ирина Трофимова Е. П.
Мать с.р. 4 мая 1965 года
г. Москва

Кузнецкий районный суд г. Москвы
ЭКСПЕДИЦИЯ

▲ Н. Ефимова подписывает соглашение с адвокатом А. Ковалевым

единственным доказательством, подтверждавшим, что девочку выписали из стационара преждевременно, закрыв глаза на разгоравшийся воспалительный процесс.

Что касается увиденного Н. Ефимовой фильма А. Мамонтова, проверили мы и эту информацию. Действительно, есть в нем эпизод о посещении скандально известной «защитницей всех невинно осужденных» Ольгой Романовой Ивановской исправительной колонии, где ее муж отбывает наказание. А в компании с ней – в накинута на голову капюшоне с бутылкой вина в руках та самая виновница гибели девочки – Елена Трофимова, которую и опознала Н. Ефимова.

Для прояснения ситуации, связанной с неисполнением приговора суда, «Российский адвокат» накануне приезда Н. Ефимовой обратился к адвокату АП Москвы, заместителю президента Гильдии российских адвокатов Алексею Ковалеву с просьбой оказать ей бесплатную юридическую помощь, на что он сразу же согласился. В редакции они оформили документы, не-

обходимые адвокату для представления интересов потерпевшей, и вместе с Надеждой Михайловной отправились выяснять обстоятельства в Кунцевский суд и Кунцевскую прокуратуру.

Вернувшись, адвокат А. Ковалев прокомментировал ситуацию так:

– Осужденная Трофимова не только не исполнила материальные обязательства, но из двух лет назначенного ей наказания не отбыла в колонии-поселении ни дня. Ей надлежало не позднее 21 июня 2010 г. самостоятельно прибыть в распоряжение КП-3 УФСИН России по Московской области в г. Электросталь. Вместо этого она с завидной регулярностью представляла в УФСИН справки, оформленные в виде неких медицинских заключений на бланке консультативно-диагностической поликлиники со штампом ФГУ «Государственный научный центр лазерной медицины Федерального медико-биологического агентства». Все они были подписаны только одним врачом Ю. Ма-

каровой. В течение девяти месяцев органы УФСИН России на запросы Кунцевского суда о предоставлении сведений о принятии приговора к исполнению отвечали одинаковой отпиской: Трофимова больна, лечится амбулаторно. Неужели и впрямь думали, что представленные осужденной справки являлись оправданием для неприбытия ее к месту исполнения наказания? Если нет, почему не запросили у руководителя медучреждения подтверждения легитимности их происхождения?

Спустя некоторое время Кунцевский суд вновь забил тревогу, своим запросом в органы УФСИН отреагировала Прокуратура г. Москвы. Желание разобраться в ситуации продемонстрировало и ГСУ СКР по г. Москве, истребовав у органа исполнения наказания заверенный судебный документ об отсрочке исполнения приговора. В тот момент Трофимова сообщила, что оживленный интерес к ее персоне может обернуться большими неприятностями, и подала в суд ходатайство об отсрочке приговора в связи с болезнью. Понятно, что ни районный суд, ни кассационная инстанция ее ходатайство не удовлетворили, так как значащийся в медицинских справках диагноз не входит в перечень заболеваний, дающих право на отсрочку исполнения приговора. Казалось бы, вопрос исчерпан, но ситуация каким-то странным образом вернулась на круги своя.

В ноябре 2011 г. Кунцевский суд вновь направил очередной запрос на имя руководителя ФСИН А. Реймера, ответ на который подписал тогда еще врио начальника УФСИН по г. Москве А. Тихомиров, – продолжил адвокат Ковалев. – Он сообщил, что осужденная Трофимова не скрывается, регулярно представляет копии медицинских заключений, из которых следует, что ей назначен длительный курс лечения, направленный на восстановление иммунной системы. А поскольку приговором суда определено самостоятельное следование в колонию-поселение, ее не могут принудительно доставить к месту отбывания наказания.

Хочется задать вопрос: с какого перепугу наши органы исполнения наказания, не имея в личном деле осужденной даже заверенной официально копии ее амбулаторной карты, взяли на себя смелость оперировать «глубокими» медицинскими познаниями и делать сногшибательные выводы о заразности той или иной болезни в то время, когда суд им прямо указал о своем отказе в отсрочке исполнения приговора?

Как непозволительный прием для руководителя силового ведомства Тихомирова можно расценить

его утверждение о невозможности принудительно доставить осужденную к месту отбывания наказания. Потому что полтора года УФСИН, довольствуясь сомнительными справками, не предпринимал никаких мер для исполнения приговора, а весной 2012 г. вдруг вышел в суд с ходатайством об изменении осужденной меры пресечения. Но к тому времени... поезд ушел – в рассмотрении ему было отказано, потому что в уголовном законодательстве уже действовали изменения. Они-то и позволили Трофимовой выйти в суд с ходатайством об освобождении от отбывания наказания в связи с истечением срока давности обвинительного приговора. И суду не оставалось ничего другого, как своим постановлением от 28 апреля 2012 г. удовлетворить ее ходатайство.

Ситуация с Трофимовой, сумевшей отвертеться от уголовного наказания, подтверждает справедливость расхожего высказывания о том, что строгость наших законов компенсируется необязательностью их исполнения. Этот случай наглядно показал: для исполнительной власти приговор – не авторитет и, если утопить его в бумажной круговерти, исполнять его необязательно. А с судом, оказывается, можно поиграть, втянув его в бессмысленную, бюрократическую переписку, что наводит на вполне определенные мысли. В данном случае можно говорить либо о некомпетентности должностных лиц, во что верится с трудом, либо о чьей-то заинтересованности в таком исходе дела.

Между тем, редакция располагает неопровержимым документом, подтверждающим, что осужденная Трофимова находится в доверительно-дружеских отношениях с врачом Ю. Макаровой, штамповавшей ей полтора года подряд заключения о болезни. На-

еемся, что Кунцевская прокуратура, куда потерпевшая Н. Ефимова обратилась с просьбой о проверке достоверности представленных Трофимовой справок о болезни, не обойдет вниманием нашу публикацию.

Что касается приговора в части компенсации

морального вреда потерпевшей, суд истребовал исполнительный лист из УФСИН России по г. Москве и в октябре 2012 г. направил его в отдел службы судебных приставов в СВАО по г. Москве. Нет сомнения, материальные обязательства Трофимовой все же придется выполнять, теперь – в принудительном порядке.

А мы, со своей стороны, берем эту ситуацию под контроль.

Елена БАСКАКОВА,
спецкор «Российского адвоката»
Фото **Виталия АЛТАБАЕВА**

Для исполнительной
власти приговор –
не авторитет, исполнять его
не обязательно.

2012 г. Адвокат
Таисия Лемперт

«ДЕЛО БОГОСЛОВСКОГО»

Недавно свой 90-летний юбилей отметила Таисия Григорьевна Лемперт, чей адвокатский стаж чуть недотягивает до семи десятилетий. В нашем сообществе ее по праву называют королевой адвокатуры. Воспитанница известного еще до революции присяжного поверенного, а затем выдающегося советского адвоката Ильи Давидовича Брауде, профессионал высочайшего уровня и талантливый судебный оратор Т. Г. Лемперт – обладательница всех высших адвокатских наград. Среди них – Золотая медаль им. Ф.Н. Плевако, орден «За верность адвокатскому долгу», Национальная премия в области адвокатуры и адвокатской деятельности в номинации «За честь и достоинство», ее имя внесено в Книгу почета московской адвокатуры.

На счету у Таисии Григорьевны тысячи дел. А когда в судах проходили громкие процессы с ее участием, адвокатская жизнь в столице замирала – многочисленные коллеги шли туда, чтобы услышать ее защитительные речи. Таисия Григорьевна особенно гордится тем, что никого из своих подзащитных не оставила на полпути. Она поддерживала связь и с осужденными, добиваясь пересмотра несправедливого приговора или досрочного освобождения.

В ее практике было четыре случая, когда ей удалось спасти человеческие жизни, двое из них были ни в чем невиновны. За жизнь, честь и судьбу одного из них, Виктора Богословского, осужденного на 15 лет лишения свободы, она боролась семь лет и добилась признания его невиновности и освобождения. Об этом деле она рассказывает нашим читателям.

Эта история началась в начале 80-х годов минувшего века. Возвращаясь в Москву, совсем еще молодой инженер конструкторского бюро Виктор Богословский познакомился с симпатичной женщиной, ехавшей в том же поезде со своей маленькой дочерью Юлей от прежнего брака. Общительная и приятная во всех отношениях Анна из далекого города произвела неизгладимое впечатление на немногословного и очень сдержанного по природе мужчину. Обменявшись адресами на вокзале, они попрощались. Но неожиданно для себя он стал часто вспоминать случайную спутницу, и когда та не ответила ни на одно его письмо, поехал и разыскал ее. В столицу они вернулись втроем – так у Виктора появилась семья. Он был счастлив оттого, что встретил любимую женщину. Его мать – Раиса Гавриловна, в ту пору довольно обеспеченный человек, искренне радовалась за своего единственного сына. Приезжая к ним в

гости, она буквально задаривала невестку самыми модными нарядами и дорогими украшениями, баловала и полюбившуюся ей Юлю, принимала ее, как родную внучку. Вскоре у Анны с Виктором родилась Катя. Словом, ни в чем не нуждавшаяся молодая семья несколько лет прожила вполне благополучно.

Но со временем Виктор стал замечать происходившие с женой метаморфозы. Сначала она стала возвращаться домой глубокой ночью, была не слишком ласкова и внимательна, все дальше отходила от него, иногда могла и вовсе не ночевать дома. Все это было неприятно ему, однако он не пытался выяснять отношения и не устраивал скандалов. Однажды, придя домой, Виктор увидел опустевшую квартиру – Анна ушла от него, забрав детей и все свои вещи. Что ж, бывает и такое.

И вот однажды, когда участковый инспектор зашел по своим делам в школу, где училась Юля, учительница

▲ 1941 г. Тасе – 19 лет

спросила его, нет ли новостей об исчезнувшей ученице? Когда он позвонил в милицию, оказалось, что ее никто не ищет. Как выяснилось, с ноября ребенок не ходил в школу, ее документами никто не интересовался, где она, никто не знал. И никого, по-видимому, это особо не волновало. По совету участкового учительница написала заявление, а когда в милицию вызвали Виктора, тот ответил, что детей увезла жена, с которой он фактически расстался. Куда – неизвестно. Под давлением милиционеров он написал заявление об исчезновении Юли и Кати, которое было проверено, и в свой час на полку лег стандартный отказной материал. Несмотря на явную неестественность происходящего, никто не бросился на их поиски.

А весной 1988 года трупы обеих сестер обнаружили в заливе реки Нерской в Орехово-Зуевском районе, несколько позже был обнаружен и зарытый на близлежащей поляне труп их матери – Анны. Несмотря на то, что девочки исчезли поздней осенью, на них не было теплой верхней одежды и обуви. По заключению судмедэкспертов, их смерть наступила в результате утопления. После возбуждения уголовного дела по п.3 ст.102 УК РСФСР следователь вызвал на опознание родственников и принял решение о взятии Богословского под стражу. В тот момент ко мне за помощью и обратилась его мать – Раиса Гавриловна. Было видно, как она страдала, но, мужественно переживая горе, не плакала, а только сухо рассказывала, в чем его подозревают, и о том, что он полностью признал вину.

Помню одолевавшие меня мучительные мысли: как же я могла принять такое дело? Если он все это совершил, я буду защищать его только головой: искать доказательства, правильные формы обвинения, верную квалификацию, но не спать ночами не буду, потому что в своем сердце оправданий ему не найду. Будучи адвокатом-криминалистом и занимаясь только уголовными делами, я всегда хотела знать правду – кого защищаю? Однажды в Матросской Тишине мы беседовали с Виктором больше пяти часов, пока, наконец, не поняла: того, в чем его обвиняют, он не совершал. Мне же предстоял долгий путь мытарств.

После первого расследования в многотомном деле я не нашла ни одного убедительного доказательства, подтверждавшего его вину. Изучая материалы экспертизы, уловила странные нестыковки – там было о чем спорить и что опровергать. К сожалению, наши адвокаты часто становятся рабами экспертных заключений, особо не вникая в их специфику и не консультируясь у других специалистов, что не позволяет им в судебном заседании задать нужные вопросы, отражающие понимание проблемы. Когда дело рассматривалось Московским областным судом, прокурор просил приговорить моего подзащитного к высшей мере наказания – расстрелу. Отстаивая свою позицию о незаслуженно предъявленном обвинении, мне удалось заострить внимание суда на совершенно глупой формулировке следствия о том, что Богословский утопил детей... из корыстных побуждений. В январе 1990 года суд приговорил его к 15 годам лишения свободы. По моей жалобе в Верховный суд РСФСР приговор отменили и дело направили на дополнительное расследование, что для обвинения уже было серьезным поражением.

Второе слушание, начавшееся в ноябре 1992 года в Московском областном суде под председательством Ю. Тутубалина, продолжалось больше года. Что же настаивало судью? Оказалось, место, где был зарыт труп Анны, показал не Богословский – его туда доставили оперативники, предварительно избив в Егорьевском СИЗО. Судья Тутубалин был человеком скрупулезным и дотошным, а потому принял во внимание показания подсудимого, который при описании одежды, в которой была

убита Анна, неправильно назвал цвет резиновых сапог, и сделал вывод – Богословский этих сапог не видел. Кроме того, судья изучил представленные мной метеосводки, из которых следовало, что никакого льда в пору утопления детей в районе залива у реки Нерской не было.

Помню, в материалах следствия фигурировали два свидетеля, утверждавшие, что в день предполагаемого убийства видели Богословского на берегу залива. Одним из них была женщина по фамилии Трунова, опознавшая его в присутствии понятых. Из материалов дела выяснила, что работала она в Конструкторском бюро им. Сухого. Я приехала туда с запросом и получила справку, подтверждающую, что в тот день она присутствовала на своем рабочем месте с 9.00 до 18.00 и никуда не отлучалась. А потому видеть Богословского на берегу залива не могла. Справка была представлена в судебном заседании и по моему ходатайству приобщена к материалам дела.

Другой свидетель по фамилии Катков, который опознал детей по напечатанным в газете фотографиям, утверждал, что видел их с мужчиной на станции метро «Ждановская». Как же так? Детей запомнил и не запомнил спутника! Где доказательство, что тот гражданин именно в тот день был на указанной им станции? Так последовательно, одно за другим, мной в ходе второго слушания дела опровергалось каждое представленное следователем доказательство. Кроме того, удалось призвать к допросу в судебном заседании и новых свидетелей – четверых мужчин, каждый из которых подтвердил, что в то или иное время состоял с убитой Анной в интимных отношениях.

Скажу откровенно, Виктор не был мне симпатичен и мне не было приятно защищать его, но я настолько увле-

▼ 1985 г. Таисия Лемперт дает напутствие молодым адвокатам

1958 г. Дружная семья:
Таисия Григорьевна,
Иосиф Ефимович и
Мариша

клась ложью обвинения, что хотела обязательно добиться правды – я верила в нее! Например, по заключению назначенной следователем судмедэкспертизы, смерть Анны наступила в результате повреждения головы ударами, нанесенными тяжелым предметом (предположительно, топором). После моего обращения к одному известному профессору и исследования им материалов было дано иное заключение. Действительно, удары в голову Анне наносились, но в то время, когда она уже была мертва. А это уже в корне меняло обстоятельства и причины ее смерти.

На том слушании судью многое смущало, в том числе и отсутствие мотивов убийства девочек и Анны Богословской. Но, несмотря на все представленные мной доказательства, опровергавшие предъявленное обвинение, он

2012 г. Среди студентов Российской академии адвокатуры и нотариата

все же не осмелился вынести оправдательный приговор. Направляя дело на новое дополнительное расследование, в своем определении суд указал на необходимость установить обстоятельства угопления детей, если таковое имело место, и привести доказательства, объясняющие отсутствие на девочках верхней одежды и обуви...

Эта история продолжалась семь лет, мой подзащитный находился то в СИЗО, то его отправляли по этапу, то снова возвращали. Все эти годы, участвуя во всех судах, не пропустила ни одной инстанции. А после того, как мое ходатайство о пересмотре дела Богословского отклонил Верховный суд РФ, осталась последняя инстанция – Генеральная прокуратура РФ, куда я и отправилась добиваться правды. Помню, пришла с жалобой к первому заместителю Генпрокурора и целый час подробно излагала свои доводы. Он внимательно слушал меня, задавал вопросы, после чего Генпрокуратура истребовала дело. Прошло три месяца, и дело Богословского было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления с правом на реабилитацию.

Когда я получила это счастливое известие, мой муж лежал в больнице, и я буквально разрывалась между ним и написанием жалоб. Помню, в тот день я не вошла – влетела в его палату со словами: «Богословский ни в чем не

▲ 2012 г. С любимой дочерью Мариной

Я видела, как мучительно она переживала горе и вскоре после возвращения сына умерла.

Жизнь моего подзащитного постепенно вошла в обычное русло: он восстановился на работе, обзавелся семьей. В течение многих лет в день моего рождения он звонил и заезжал поздравить с конфетами и букетиком цветов. Иногда мне задают вопрос: нашли ли настоящего убийцу? Насколько мне известно, его и не искали. И хотя у меня была своя, чисто человеческая версия, где-либо озвучивать ее я была не вправе. Адвокат обязан защищать, а искать убийц и доказывать вину должны другие органы.

Фото из архива Т.Г. ЛЕМПЕРТ и Виталия АЛТАБАЕВА

виноват – выходит на свободу!», на что муж ответил: «Это – венец твоей победы».

Посвятив семь лет защите Богословского, мне довелось быть даже его представителем в гражданском процессе, хотя гражданских дел я не вела. Так вышло, что вскоре после его ареста и осуждения на 15 лет в его квартиру, не имея на то никаких законных оснований, вселился со своей семьей участковый милиционер. Меня до глубины души потряс его бесчестный поступок, и я решила выступить в суде сама. Мне было крайне важно, чтобы к моменту освобождения Богословский смог вернуться не куда-нибудь, а в свою законную квартиру.

Мы встретились с Виктором после его освобождения, и я рассказала ему о процедуре реабилитации и его праве на взыскание с государства компенсации за незаконное, в течение семи лет, лишение свободы. Он пожал плечами, а потом подумал и отрезал: «Мне придется снова перешагнуть порог суда – ни за что!»

Конечно, главный удар судьбы в истории с единственным сыном – и об этом нельзя забывать – приняла на себя его мама, Раиса Гавриловна. Когда его посадили, отношения на работе стали прохладными, друзья и знакомые сторонились ее. Вскоре ее сильно понизили в должности, ушел муж.

2012 г. Встреча с великим Плевако

В ШАГЕ ОТ ТЮРЬМЫ

Часто бывает так, что, заканчивая очередное дело, постепенно забываешь о нем. Дел много, и надо сосредотачиваться на новых, требующих полной отдачи и не дающих возможности возвращаться к прошлым, хотя и интересным. Бывают и исключения. Тем более когда думаешь, чем бы все могло обернуться для моего подзащитного, окажись он в иных условиях.

Одно из таких – дело А.И. Лобышева.

Александр пришел ко мне на прием и рассказал, что, находясь в нетрезвом состоянии, избил мужчину. За содеянное против Лобышева возбуждено уголовное дело. Доказательством стало обезображенное лицо потерпевшего.

Внятно объяснить, в какой стадии находится дело, он не мог. Сказал просто, что, не читая, подписал какие-то документы у следователя, который, кстати, посоветовал Александру обратиться к своему знакомому адвокату. В телефонном разговоре защитник заявил, что сейчас не может встретиться лично, так как очень занят, и порекомендовал Лобышеву признать вину, чистосердечно раскаяться и просить рассмотрения своего дела в суде в особом порядке. Разберемся, сказал адвокат, в суде...

Никакого соглашения с адвокатом Лобышев не заключал.

Я не сдержался и отчитал Александра за то, что он подписал бумаги у следователя без их осмысления и без подробной консультации с адвокатом, и нарисовал ему мрачную, но вполне возможную перспективу недалекого будущего. Однако соглашение на ведение его уголовного дела я все же заключил и поехал к следователю.

Приняли меня мило, даже чаем напоили, но огорчили, заявив, что я опоздал. Мол, Лобышев с делом ознакомился, свою вину признал, чистосердечно раскаялся и ходатайствовал о рассмотрении уголовного дела в особом порядке. Обвинительное заключение уже утверждено прокурором.

На мой вопрос об адвокате следователь сказал, что он по назначению, ознакомился с материалами раздельно с обвиняемым и также все подписал. В тот же день уже законченное уголовное дело должно было быть передано в суд, но, поскольку у меня имелся ордер, мне все же разрешили ознакомиться с ним.

Первоначально уголовное дело было возбуждено по ст.116 УК РФ (Побои). В материалах значилось: «...Лобышев, будучи в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных отношений, умышленно, с целью причинения телесных повреждений, нанес несколько ударов кулаком по лицу потерпевшего, причинив ему телесные повреждения».

Судебно-медицинская экспертиза констатировала, что «рубцы, образовавшиеся в результате заживления ушибленных ран на лице потерпевшего, с течением вре-

мени без хирургического вмешательства не станут менее заметными, то есть являются неизгладимыми». На основании этого следствие сделало вывод об обезображивании лица потерпевшего и предъявило Лобышеву обвинение по ч.1 ст.111 УК РФ (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Санкция здесь довольно суровая – лишение свободы на срок до восьми лет.

В материалах уголовного дела имелись цветные фотографии потерпевшего, в анфас и в профиль, сделанные непосредственно после происшествия, во время оказания ему врачебной помощи и наложения швов на раны. Снимки оставляли впечатление искусственности. Это меня насторожило...

Одновременно я понимал, что противоправное деяние Лобышев, безусловно, совершил, от ответственности ему уйти не удастся, а для минимизации серьезных последствий требовалось возместить вред. Я поставил перед своим подзащитным задачу – как можно быстрее наладить контакт с потерпевшим, возместить причиненный вред (или хотя бы часть его), а также, по возможности, убедиться в неизгладимости телесных повреждений.

И хотя дело было назначено к рассмотрению и времени оставалось крайне мало, мое задание было выполнено. Лобышев передал потерпевшему требуемую сумму, а взамен получил расписку и заверения, что тот придет на суд и будет просить о снисхождении. Выяснить, имеются ли у него на лице те самые неизгладимые телесные повреждения, не удалось, поскольку на встречу он приходил в непомерно больших, очень темных очках, закрывающих большую часть лица.

Для защиты по делам такой категории позиция потерпевшего на суде имеет важнейшее значение. Мы сделали все, чтобы он не имел к обидчику серьезных претензий.

Но дело осложнялось тем, что Лобышев в самом начале следствия согласился с предъявленным ему обвинением в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью и просил рассмотреть уголовное дело в особом порядке, при котором суд не проводит исследований и оценок собранных доказательств. В силу таких обстоятельств моему доверителю грозил немалый срок лишения свободы.

В назначенный судом день мы приехали в суд заранее. Я надеялся сам поговорить с потерпевшим до начала заседания, а главное – посмотреть на его лицо. Частично это мне удалось, поскольку, когда я к нему подошел, он сидел на стуле возле зала судебных заседаний и читал газету. Заглянув сверху, я, к своей радости, не увидел никаких зримых последствий телесных повреждений.

Сразу после начала заседания мною было заявлено ходатайство о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке. Учитывая, что государственный обвинитель и потерпевший не возражали, суд ходатайство удовлетворил.

Кроме того, по моему ходатайству суд принял решение об освидетельствовании потерпевшего. По просьбе судьи он снял темные очки. Все участники процесса, внимательно осмотрев потерпевшего, убедились, что от телесных повреждений, нанесенных ему подсудимым, не осталось никаких следов. На вопрос о том, считает ли сам потерпевший свое лицо обезображенным, он ответил отрицательно.

Поскольку основания привлечения Лобышева по ч.1 ст.111 УК РФ отпали, я заявил новое ходатайство о переквалификации действий подсудимого на ч.1 ст.115 УК РФ (Умышленное причинение легкого вреда здоровью). Против такой переквалификации возражала государственная обвинитель. По ее мнению, действия Александра следовало квалифицировать по ч.2 ст.115 УК РФ, поскольку он действовал из хулиганских побуждений.

Я же с такой позицией не соглашался, ибо переквалификация, предложенная прокурором, принципиально меняла формулу обвинения, изложенную в обвинительном заключении.

Суд в конечном итоге поддержал мою точку зрения, переквалифицировав действия Лобышева на ч.1 ст.115 Уголовного кодекса РФ.

Мы с Александром вздохнули с облегчением – деяние, совершенное моим подзащитным, из категории тяжких перешло в категорию небольшой тяжести. Подсудимый свою вину в причинении легкого вреда здоровью потерпевшего признал, чистосердечно раскаялся.

Потерпевший сделал заявление о прекращении уголовного дела в отношении Лобышева, поскольку они примирились, ущерб ему возмещен в полном объеме. О прекращении дела за примирением, разумеется, заявил и сам Лобышев. Государственный обвинитель не возражала.

Суд вынес постановление о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим.

Вспоминая это разбирательство, думаю, как бы повернулась судьба Александра Лобышева, продолжай он «плыть по воле волн», которые, вполне возможно, привели бы его к реальному лишению свободы.

Федор КАРМАНОВ,
адвокат, член Союза журналистов Москвы
Фото Захара РОМАНОВА

Прежний адвокат по телефону посоветовал моему доверителю признать вину и чистосердечно раскаться. Вникать в это дело ему явно не хотелось.

БЫВАЕТ И ТАК

Илья В. пришел ко мне на прием за несколько дней до начала судебных разбирательств. Говорил много, невероятно быстро, и порой нельзя было полностью уловить смысл фраз. Рассказывал о том, что никогда не злоупотреблял спиртным, что в одночасье все навалилось, что он ударил жену впервые, но они уже помирились, что его обманули на следствии, пообещав закрыть дело, но увы... А теперь у него совсем нет денег и его непременно посадят.

На первый взгляд, это показалось мне набором бессвязных букв и звуков. Но, вникнув в суть, я понял, что мужчина стал заложником сложных жизненных обстоятельств, которые сам по глупости и создал. Оставалось решить, как выстраивать защиту доверителя в данном случае. Ведь у клиента до обращения ко мне уже был адвокат, который наломал немало дров.

Как следовало из материалов возбужденного в отношении Ильи уголовного дела, в тот злополучный вечер между ним и его женой Ириной произошла ссора. В порыве гнева мой клиент умышленно нанес женщине несколько ударов кулаком в область грудной клетки, а также по лицу и другим частям тела, которые, согласно заключениям судебно-медицинской экспертизы, и стали причиной закрытых переломов нескольких ребер. Специалисты констатировали также разрыв правого легкого, произошедший от удара.

Действия мужчины были квалифицированы правоохранительными органами по ч.1 ст.111 Уголовного кодекса РФ (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека), за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 8 лет.

На следствии мой доверитель давал крайне противоречивые, а то и вовсе абсурдные показания. Изначально при ознакомлении с материалами дела Ильи В. и его прежний адвокат разыграли трагикомедию, поверить в подлинность которой было практически невозможно. Они преподнесли все так, будто в тот вечер Ирине стало плохо. Приехавшая «скорая» приняла решение о ее госпитализации, но у порога женщина потеряла сознание и упала. Тогда ее положили на носилки, с которых она случайно опрокинулась, что привело к многочисленным травмам.

Потом обвиняемый рассказывал, что приревновал супругу к другому мужчине и, не отдавая себе отчета, со злости ударил ее ногой в грудь. На следующем же допросе уже утверждал, что жена замахнулась на него сковородкой и хотела ударить, а он вынужден был защищаться и, упершись руками в диван, на котором сидел, оттолкнул ее ногами, попав в грудь. В результате чего, по его словам, она упала и ударилась о спинку кровати.

Еще больше запутали следствие рассказы самой Ирины. Дважды она давала взаимоисключающие друг друга показания. То говорила, что они с мужем были в гостях, где она напилась и поэтому ничего не помнит. То пыталась убедить правоохранителей, что она первая кинула в мужа сковородку, а он в ответ стал ее бить кулаками в грудь, по лицу и ребрам. От ударов она потеряла равновесие и упала, а очнувшись, попросила сына вызвать «скорую».

Изучив материалы уголовного дела, я стал ломать голову, как же правильно выстроить линию защиты. С одной стороны, есть состав преступления, с другой – муж и жена уже давно помирились, а значит, для них все произошедшее не криминал и не преступление. Однако знаю из собственной практики, что в большинстве случаев суд не принимает это во внимание.

Взвесив все «за» и «против», мы решили не признавать вину, но говорить только правду. А именно, что Илья действительно ударил жену ногой, но лишь после того, как она замахнулась на него сковородкой. Женщина ударилась о спинку кровати и от этого получила повреждения. Злого умысла же мой доверитель не имел.

На судебном заседании врач скорой помощи показала, что множественные повреждения ребер в разных частях грудной клетки не могут возникнуть от единичного удара (только от нескольких ударов или от падения). Разрыв же легкого, который констатировали медики, мог произойти как при падении, так и при передвижении после перелома ребер.

Ирина в суде была немногословна и лишь повторила, что в момент ссоры муж толкнул ее ногой, она упала, ударилась, а дальше она ничего не помнит, так как была сильно пьяна. И обратилась к судье с ходатайством о прекращении уголовного дела в связи с примирением с супругом, который уже принес ей извинения, и они продолжают дальше семейную жизнь, муж заботится о ней и детях, содержит их.

Выслушав все мнения сторон, суд после 10 месяцев разбирательства вынес Определение, в котором было указано, что:

– версия Ильи В. о том, что его жена получила часть повреждений в результате падения, не опровергнута и подтверждается показаниями потерпевшей;

– причина возникновения разрыва легкого у потерпевшей судом не установлена. Все сомнения, которые не могут быть устранены в соответствии с действующим УПК, – трактуются в пользу подсудимого;

Суд переквалифицировал действия моего доверителя на ч.1 ст.112 УК РФ (Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в ст.111 УК РФ, но вызвавшего длительное расстройство здоровья).

Что касается поврежденных ребер, то вина Ильи В., по мнению суда, была очевидна, но увечья он нанес по неосторожности, а значит, тяжких последствий не желал. Хотя и мог предвидеть.

Поскольку подсудимый не был ранее судим, преступление не считается тяжким, а с потерпевшей стороной он примирился, то на основании ст.76 УК РФ и ст.25 УПК РФ дело может быть прекращено.

В кассационной инстанции данное Определение ни одной из сторон не обжаловалось и вступило в законную силу без изменений.

Кстати сказать, эта семья и по сей день проживает в городе Тюмени и время от времени обращается ко мне за адвокатской помощью по тому или иному вопросу.

Петр БАТУРИН,
адвокат Адвокатской палаты Тюменской области
Фото из архива автора

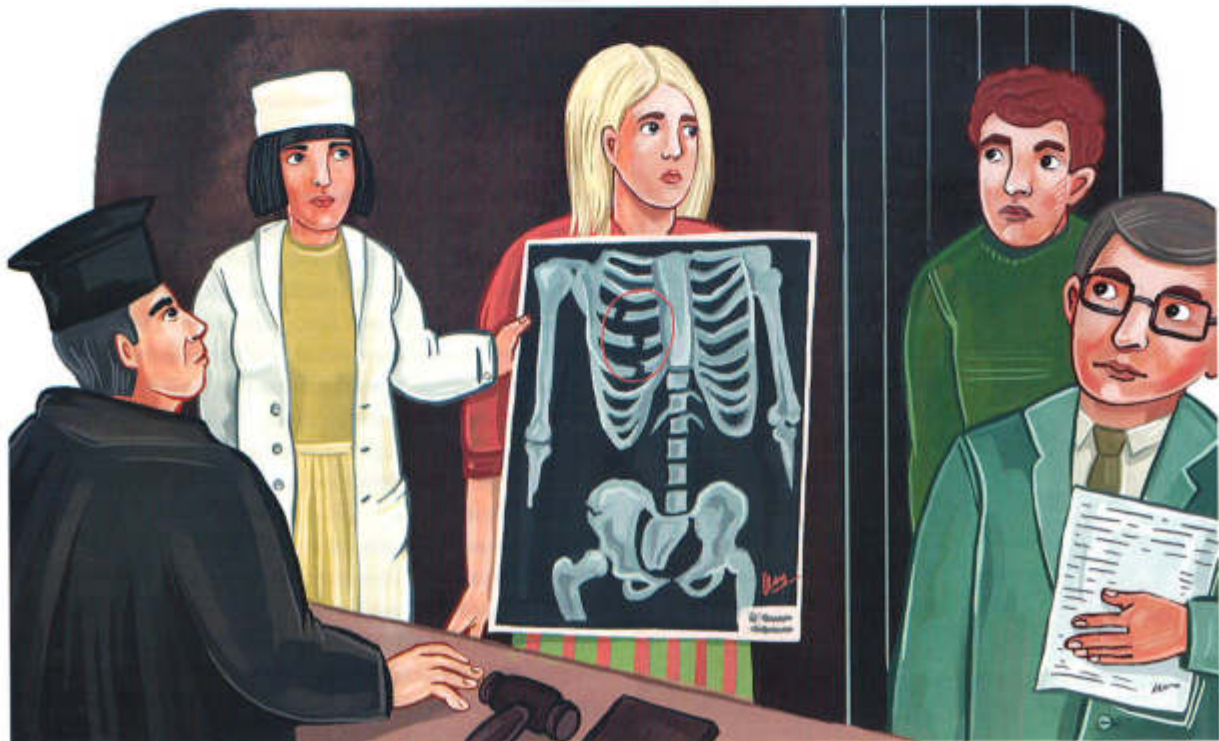
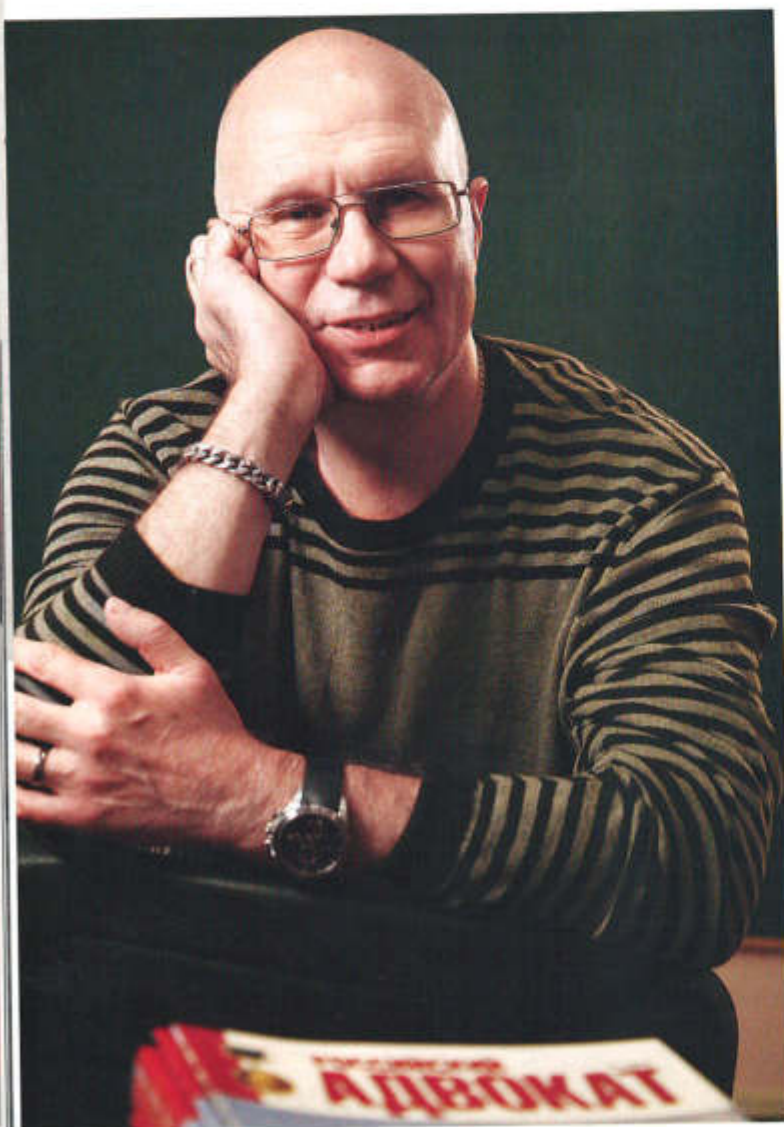

Рис. Софья Бестужевой

В ЗАЩИТУ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Продолжая доверительный разговор о защите права на защиту, призвав себе в союзники блистательную богиню Дику (бесстрашную защитницу правды и непримиримого врага всяческого обмана – без нее деятельность богини Фемиды решительно невозможна), позволю себе настоятельно обратить внимание почтенной публики на ряд развязно развалившихся прямо на целомудренных коленях уголовного процесса неряшливых обстоятельств, категорически порочащих как сам действующий уголовно-процессуальный закон, так и конституционный принцип, гарантирующий гражданам доступ к объективному правосудию.

Впрочем, сначала несколько важных замечаний.

Наверняка, я не открою ничего принципиально нового, утверждая:

а) Категорическую основу правосудности приговора в уголовном судопроизводстве (приговора честного, объективного, соразмерного содеянному) должно играть предварительное следствие.

Убежден, никто не посмеет отрицать следующее: ничто, кроме олимпийского результата работы следствия, основанного на достоверных, объективных, честных (простите за непроцессуальное понятие) доказательствах, не должно влиять на судебские выводы по существу предъявленного обвинения, то есть на приговор.

При этом на само следствие не должны давить ни унижительная статистическая отчетность по валу уголовных дел, ни графики раскрываемости преступлений, ни карьерные устремления следователя, ни леность, генетически свойственная дальним родственникам прославленного Иванушки. А самое главное – категорически недопустима инфантильная профессионально-следственная убежденность в том, что любое направленное в суд для рассмотрения уголовное дело, независимо от его правового наполнения (инкриминированного состава, обоснованности позиции обвиняемого, полноты и всесторонности содержащихся в деле доказательств, либо их недостоверности, недостаточности, неисследованности), завершится вынесением любезного статистике обвинительного приговора.

б) Изучая поступившее для назначения уголовное дело, либо уже в процессе судебного следствия, федеральный (мировой) судья обязан опираться лишь на закон, невзирая на жеманную статистику, прямые рекомендации и (или) недвусмысленные намеки председателя суда (или иные «решающие вопросы инстанции»). Бесстрашно отбросив обывательские колебания и вооружившись лишь

законом, судья должен неотвратно и жестко возвращать дурно расследованное дело обратно в следственные органы (прокуратуру) для проведения столь нелюбезного следственными начальниками дополнительного расследования. Особо следует подчеркнуть насущную необходимость категорического расширения законных оснований для направления дела на доследование, взамен существующего нынче скудного списочка формальных причин. (О возможности прекращения уголовного преследования в отношении человека, представшего перед судом в рамках проведения предварительного слушания, – что, впрочем, представляется вполне естественным для цивилизованного правового государства, – пока нельзя даже мечтать – совершенно сказочная история):

- беспристрастно, строго соблюдая процессуальные права участников процесса и чтя при этом нелюбимых падчериц национального правосудия – презумпцию невиновности и состязательность сторон, – обеспечивать полное, объективное и всестороннее исследование доказанности инкриминированного подсудимому обвинения, вне зависимости от личных симпатий, настроений и работы кишечника.

- иметь обеспеченное юридическими и бытовыми гарантиями право на вынесение реально законного и обоснованного (вопреки девальвированности этих понятий надзирающими судебными инстанциями), пусть даже непопулярного, но честного приговора, в котором главным критерием будет – нет, не лукавая общественная справедливость, но безупречная истина и соразмерность.

Полагаю, так должно быть!

Вместе с тем, не дадут мне слукавить коллеги, что качество, то есть объективность, всесторонность и доказательственная полнота существующего нынче предварительного следствия по уголовным делам в значительном своем большинстве (как бы это помягче сказать) не соответствуют требованиям времени, вызывая навязчивые ассоциации с фразой из произведения Ж. Сименона «Желтый пес»: «Арестуйте хоть кого-нибудь, неважно кого – нужно успокоить людей!», – настоятельно просит знаменитого комиссара мэтр крохотного французского городка.

Впрочем, комиссар Мэгре хотя бы имел твердые представления о чести, законе и профессиональном достоинстве.

К каким только уловкам не прибегают нынче иные следователи, лишь бы не расширять круг удобных (по большей части – уж извините, с чем сталкиваюсь) обвинительных версий по делу.

Работая по технически сложным делам о ДТП с тяжкими последствиями, мне частенько приходится вступать в единоборство со следствием по вопросам назначения элементарных, обязательных для установления истины судебных экспертиз и исследования иных (отличных от избранных) версий. Безусловно, можно понять нелюбовь следователей к отсрочкам (упреки начальства, ускользающие показатели). «Да не буду я ничего назначать, – раздраженно заявил

недавно юный следователь, отложив в сторону мои ходатайства о назначении необходимых экспертиз по чрезвычайно сложному делу, – ну не могу я. Начальство категорически запрещает назначать автотехнические экспертизы. У нас такая практика – направлять все в суд, а там пусть делают, что хотят. У нас же сроки и месячная отчетность, вы же понимаете».

На вопросы о профессиональном интересе, о поисках истины, о законе, наконец, о принципиальности он с юношеским задором ответил: «Да у нас больше трех лет никто не работает, вы о чем? Понимаете?».

Конечно, я понимал, тем паче, что подобные психологические перверсии и странные практики обретают удручающее распространение и заразность.

Впрочем, и у судов в последнее время, очевидно, в ответ на веяния времени, сформировалась своя собственная практика, своего рода распространенный тренд (пользуясь новоязыным словечком) – рассмотрение дел в порядке особого производства. Удобно, практично, не требует временных затрат на исследование доказательств по делу. Нужно-то всего: признание подсудимого, некое возмещение ущерба, отсутствие возражений у участников процесса – и все, можно уходить на приговор.

Вступает в действие своего рода неотвратимый закон природной имитации – нужный и даже полезный в тварном животном мире, но способный оказаться чрезвычайно опасным в человеческом социуме.

Возьму на себя смелость предположить: при дальнейшем расползании подобной судебно-следственной практики и так далеко не всегда безупречное качество расследования уголовных дел обречено на дальнейшее скоростное дряхление – отсутствует мотивация его повышения в виде надежного судебного фильтра.

Кроме этого, хорошо известно, что ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ обязывает суд при недоказанности обвинения оправдывать подсудимого. Впрочем, не нужно быть Алистером Кроули или, на худой конец, победителем телевизионного шоу «Битва экстрасенсов», чтобы угадать, как поступает подавляющее число действующих судей в спорных ситуациях (вердикты судов присяжных не в счет! – другая история). Кстати, и изрядно поношенный ревтрибуналовский принцип «стабильности приговоров» весьма уверенно чувствует себя в современных дворцах правосудия.

Отсюда считаю необходимым без усталости повторять:

Повышение качества, культуры и профессионализма предварительного следствия напрямую коррелирует с качеством правосудия суда.

Следствие обречено зависеть от профессионализма, чувства ответственности, чести, образованности судей.

Не сомневаюсь, нет иного пути модернизации правосудия в России.

Леонид ЧЕЛЯПОВ,
адвокат Центральной коллегии адвокатов г. Москвы,
кавалер ордена «За верность адвокатскому долгу»
Фото Захара РОМАНОВА

РАЗВОД, РАЗДЕЛ И ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ, или Как адвокату удалось создать прецедент

Россия – одна из стран, лидирующих по количеству разводов. По статистике, в первый год после заключения брака распадаются более половины семей, а в течение еще 5 лет эта цифра достигает уже 80–90%... Причин для этого немало: алкоголизм, наркомания, жилищные проблемы, неверность, материальное неблагополучие и т.д. Приняв решение расстаться, многие пары непременно сталкиваются с такой тягостной и непростой процедурой, как раздел имущества. Не оказались исключением и супруги Матросовы.

Чтобы узнать мужчину по-настоящему, нужно с ним развестись.

Сара Габор

А все начиналось невероятно романтично. Он, Она, случайная встреча, влюбленность с первого взгляда, ночные прогулки, признания, поцелуи... И вот они уже решают, что хотят жить вместе, а спустя год официально оформляют свои отношения. Ольга уговорила родителей разменять свою «трешку» и купить им однокомнатную квартиру гостиничного типа, куда они с мужем и переехали. Соседство было не из приятных – алкоголики, наркоманы и бывшие заключенные. Женщина стала копить деньги для улучшения жилищных условий.

Вскоре родился первый ребенок. К этому моменту собралась уже некоторая сумма, недостающие деньги взяла займы у знакомой. Но чтобы купить новую квартиру, нужно было продать эту. Так и сделали. Вложили капитал в строящееся жилье, а на это время Ольга с семьей попросились пожить у родителей, где она, муж и ребенок затем и прописались.

Через три года родился второй сын. Вскоре Матросовы въехали в свою новую квартиру. Казалось бы, все складывалось хорошо. Но Кирилл нигде не работал, перебивался случайными заработками, начал выпивать и поднимать руку на жену. Денег катастрофически не хватало. Ольга заговорила о разводе. Услышав об этом, муж раскричался, стал кричать, что никуда не уйдет, не разменяв квартиру пополам (хотя к ее покупке он не имел никакого финансового отношения). А после и вовсе выгнал жену с детьми на улицу. Вернувшись снова к родителям, Ольга подала на развод. Когда расторгли брак, встал вопрос о

разделе имущества. Кирилл стоял на своем и требовал от бывшей супруги отдать иномарку, купленную ею еще до свадьбы, 25 тысяч долларов и дачу, принадлежавшую Ольгиным родителям.

Оказавшись в безвыходном положении, женщина согласилась, выполнив все условия. Кирилл же от своей доли в квартире отказался и дал нотариально заверенное обязательство в течение года выписаться. Однако делать это не торопился.

Матросова поначалу этому особого значения не придавала, все мысли были заняты тем, как строить новую жизнь, растить малышей. Спустя некоторое время ей встретился мужчина, за которого она вышла замуж. Виктор усыновил ее детей, а вскоре в семье родились и еще двое. Ольга была поглощена домашними заботами и о бывшем муже, и о том, что он так и не выписался из квартиры, не вспоминала. Минувло 5 лет. Когда в силу некоторых жизненных обстоятельств возникла необходимость продать квартиру, тут-то и выяснилось, что никакие манипуляции с недвижимостью невозможны, пока бывший муж прописан там.

Ольга разыскала Кирилла, но он категорически отказался выполнить ее просьбу. Тогда женщина обратилась в суд с иском. Юрист, который взялся вести дело, заверял, что это пустяковая проблема и результат не заставит себя ждать. Однако все вышло иначе. Суд отказал истице.

Оно и понятно. В подобных случаях суды, перестраховываясь, дают отказ, боясь оставить человека без крыши над головой. И это разбирательство не стало исключением.

Ольга Матросова пришла на прием к адвокату Ивану Алжееву по рекомендации знакомых, но, как она призналась позже, большой надежды на благополучный исход своего дела не питала.

Иван Андреевич долго изучал материалы, читал, делал какие-то пометки на чистом листе и снова читал. Возвращался в начале, что-то анализировал и, наконец, резюмировал: «Необходимо дособрать кое-какие документы. Будем снова подавать иск в суд, но уже по другим основаниям, поскольку дважды по одним и тем же — нельзя».

Теперь требования адвоката касались признания гражданина К. Матросова утратившим право пользования жилым помещением и снятия с регистрационного учета в связи с тем, что мужчина уже не является законным супругом Ольги, много лет там не проживает, не оплачивает коммунальные услуги, не принимает участия в текущем ремонте помещения...

Обратиться к опытному адвокату было правильным решением, ибо подобная проблема, несмотря на внешнюю простоту, такой не является. Процедура здесь довольно сложная. Дело в том, что по закону запрашивать в государственных структурах некоторые документы вправе только адвокат. Да и то бывают сложности. Что уж

говорить о частнопрактикующем юристе, у которого — ни статуса, ни положения.

В рамках судебных разбирательств адвокат Иван Алжеев сделал несколько запросов в регистрационные палаты Москвы и Московской области. В ответ на них пришла бумага, подтверждающая, что в собственности Кирилла Матросова имеется та самая дача, в которой, кстати, есть возможность прописаться, и квартира в Подмоскovie, очевидно, купленная на деньги, выплаченные Ольгой в качестве отступных.

«Мне пришлось убеждать судью, что сейчас складывается новая судебная практика, в соответствии с которой,

Рис. Софья Бестужевой

если у человека есть крыша над головой и недвижимость, куда он может перепрописаться (в данном случае у Кирилла Матросова имелось как минимум два варианта), суды выносят решения о признании его утратившим право пользования жилым помещением и снятии человека с регистрационного учета. В подтверждение своих слов я приложил Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24 ноября 2011 года № 33-17459/2011, который на примере конкретного дела с идентичными обстоятельствами дает рекомендацию, как разрешать подобные споры», — рассказывает Иван Алжеев.

Надо отдать должное судье (кстати, именно она в свое время вынесла отказ в исковых требованиях Матросовой), которая в рамках новых разбирательств прислушалась к позиции адвоката и вынесла решение в пользу его доверительницы, создав тем самым прецедент теперь и в рамках Москвы. И хотя в нашей стране прецедент официально не является источником права, хочется верить, что решение по данному делу впоследствии станет для других столичных судей наглядным примером при разрешении похожих споров.

Ияна БОЧАРОВА,
спецкор журнала «Российский адвокат»
Фото Виталия АЛТАБАЕВА

Церковь Святой
Великомученицы
Варвары в Горьком

– *А где ваш папа встретил свою суженую?*

– Там же, в Белграде. Моя мама, Ольга Тихоновна Шишкова, родом из Петербурга и тоже из потомственной дворянской семьи. В 1932 году на свет появился мой старший брат Тихон, а четыремя годами позже, в 36-м, родилась я.

– *Ольга Игоревна, давайте вернемся к белградским событиям сорок пятого. Что произошло дальше?*

– Понимая, что с приходом в город воспитанников Сталина и Тито нас всех ждет бесславный конец, папа принимает невероятно отчаянное, но единственно верное решение – всей семьей немедленно покинуть страну. Мы долго, в товарных вагонах, в условиях войны, с обстрелами продвигались из Югославии на запад. Добравшись до границы, решили через Альпы пробраться в Швейцарию.

– *Вы что, решили повторить легендарный альпийский поход через Сент-Готард русского полководца Суворова?*

– Нет, мы шли западнее, в районе кантона Граубюнден.

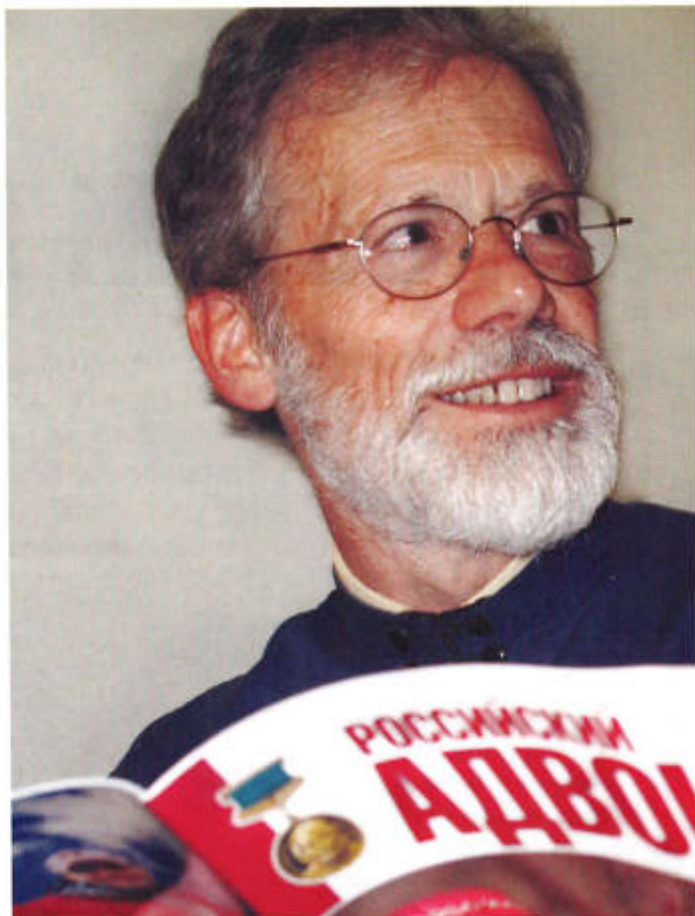
Пятеро суток продвигались неведомыми тропами, без проводника, с парализованной бабушкой и совершенно минимальным запасом еды. Представляете, глубина снежного покрова там около трех метров. Благо он был стянут ледяной коркой, и это позволило нам как-то передвигаться. У нас не было соответствующей одежды, мази от солнца – мы все ужасно обгорели, со всех сторон нас окружали огромные обрывы... Как мы добрались до Швейцарии – одному Богу известно. Потом мы узнали, что многих из тех тысяч людей, проживавших в Югославии, кто ранее относился к белому движению, арестовали и даже не довели до России, а расстреляли в Румынии и Болгарии. Сразу после окончания Второй мировой войны здесь оказалось очень много русских беженцев и появился самостоятельный приход. Мой отец был рукоположен в сан священника и назначен настоятелем Храма Святой Великомученицы Варвары в небольшом городке Веве. Он нес свое служение в течение 30 лет. У него было два прислужника – Петр Кантакузин и Мишель Верна.

– *А какова история этого храма?*

– Она трагична. 20 сентября 1872 года при родах в Веве скончались двадцатидвухлетняя графиня Варвара Петровна Орлова и ее новорожденная дочь Мария. В память о них убитый горем отец – граф Петр Павлович Шувалов, в то время посол Российской империи в Лондоне, приехал сюда, купил землю и попросил разрешения за свой счет построить православную церковь. Она освящена осенью 1879 года.

– *Когда умер ваш батюшка?*

– В 1976 году после смерти моего отца настоятелем храма стал его ученик священник Петр Кантакузин. Русские князья Кантакузины – потомки византийских императоров. Дед священника Петра защищал отечество и в Японскую, и в Первую мировую войны, потом служил в Белой армии, а после 1920 года перебрался в

▲ С «Российским адвокатом» знакомится протоиерей Мишель Верна

Константинополь, оттуда – в Швейцарию. Петр учился на юридическом факультете Лозаннского государственного университета. При постриге получил имя Амвросий в честь выдающегося юриста, святого Амвросия Медиоланского и был рукоположен в сан епископа.

Как и мой отец, епископ Амвросий был настоятелем храма 30 лет. Жил здесь же, на территории церкви в маленьком домике. Он ушел в мир иной три года назад, в 2009-м.

– Амвросий вырос здесь, в Веве, в русской семье, и мы были с ним, как братья, – говорит с нескрываемой грустью протоиерей Мишель Верна. – До сих пор не могу поверить, что его нет на нашей брэнной земле. Головой понимаю, а сердце соглашаться не хочет.

– *Скажите, отец Михаил, вы ведь – швейцарец, как пришли к православной вере?*

– Много лет назад меня взяла на воспитание семья русского эмигранта Василия Иванова. Они ко мне относились, как к родному сыну. Через них я пришел к православию. Кстати, Василия в свое время усыновили родственники Петра Шувалова. Да, да, того самого!

– *Сколько у вас сегодня прихожан?*

– Записано 160 семей. Но есть масса людей, которые не зарегистрированы, но очень часто посещают церковь.

Как правило, это люди других национальностей: греки, эфиопы, грузины, сирийцы, украинцы, болгары...

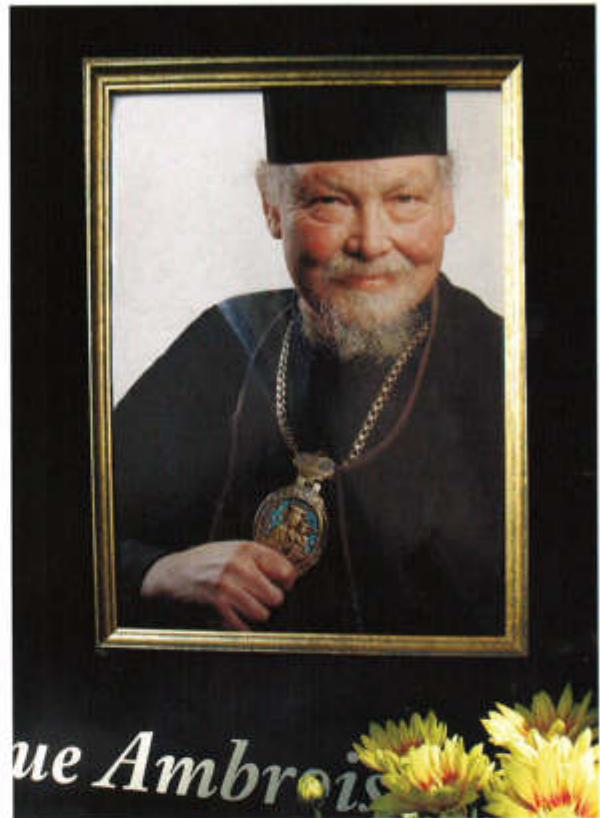
– О деле «Pussy Riot» сейчас знает, наверное, каждый. На мой взгляд, их выступление – самое настоящее хулиганство. Но у этих девиц, как известно, есть поклонники, есть и хулители. Еще в самом начале, когда только началось следствие по их делу, один из иерархов РПЦ – Всеволод Чаплин потребовал для женщин уголовного наказания, хотя президент Адвокатской палаты г. Москвы Генри Резник во всеуслышание заявил, что в их действиях нет уголовной составляющей. Что скажете по этому поводу?

– Первые слова, с которых начинается на литургии ряд прошений к Богу, – «Миром Господу помолимся». Церковь божья существует для того, чтобы прощать, а не осуждать. Даже когда есть гражданский закон, церковь должна стоять вне этих отношений, должна идти своим путем. Мы ведь молимся за отпущение

Пятеро суток продвигались
неведомыми тропами,
без проводника,
с парализованной бабушкой
и минимальным запасом еды.
Представляете, глубина снежного
покрова там около трех метров.

Юный
прихожанин
Коля
Хумбель

▲ Могила епископа Амвросия

грехов заключенным, совершившим тяжкие преступления. А тут – женщины, матери... Судить – это дело гражданского суда. А путь церкви – молиться и призывать к покаянию и миру.

– Почему, на ваш взгляд, так медленно идет объединение Московского патриархата и Русской православной церкви за границей?

– Помню, когда владыка Амвросий вернулся из Москвы (он был членом Комиссии по воссоединению и участвовал в переговорах), сказал: «Это был очень интересный процесс, хотя и трудный – нелегко было отстаивать свою позицию». Десятилетия расхождения наших судеб не прошли бесследно.

И я очень переживаю, что некоторые наши братья и сестры не смогли согласиться с принятым решением на объединение и отошли от нашей церкви. Конечно, это очень прискорбно, но каждый вправе решать за себя сам. Русская зарубежная церковь разбросана по всему миру, но ни в одной стране не было ее сращивания с государством. Мы всегда хотели, чтобы наша церковь, которая выросла в скромных условиях, сохранила свою отрешенность от мирских дел, в частности, от каких-то государственных связей, союзов, чтобы можно было продолжать жить в простоте и скромности и не быть зависимым от государства. Наша церковь всегда была «вне», «над» и поэтому могла разрешить себе независимое отношение к политике любой страны. Это наше большое пре-

▲ Фото на память (Ольга Энглерт – вторая слева)

имущество, и мы хотим его сохранить. За 80 лет у нас сложился свой образ жизни, накоплен богатый церковный опыт. Чтобы нам срастись, нужно потихонечку идти навстречу друг другу.

– На ваш взгляд, есть что-то общее между священнослужителем и адвокатом?

– Конечно, стремление помочь человеку. Но каждый делает это по-своему: адвокат старается облегчить судьбу человека с помощью закона, священник – с помощью веры.

Я слушал этого чистого и умудренного жизненным опытом человека, наверняка ни разу не шедшего на сделку с собственной совестью, глубоко понимающего свою ответственность перед простыми смертными,

Церковь божья существует для того, чтобы прощать, а не осуждать. Даже когда есть гражданский закон, церковь должна стоять вне этих отношений, должна идти своим путем.

но мой мозг невольно возвращал и возвращал меня к нашей родной, российской действительности. И, как ни странно, к той действительности, в которой варятся некоторые наши «посланцы божьи». Только один пример – дело настоятеля храма Илии Пророка игумена Тимофея (в миру Алексея

Подобедова), который на дорожке BMW почему-то с дипломатическими номерами стал участником громкого ДТП на Садовом кольце, где после столкновения нескольких машин по его вине пострадали люди. Как заявили сотрудники ГАИ, священник был пьян или находился под воздействием наркотиков. Сразу после происшествия святой отец от медицинского освидетельствования отказался.

Поэтому пожелание протодиакона Мишеля, что нужно «потихонечку идти навстречу друг другу», могут оказаться только благими намерениями. В самый раз вспомнить слова нашего выдающегося русского поэта Некрасова:

*«Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе».*

... Вечерело. Мы и не заметили, как пролетел день в обществе еще недавно совершенно незнакомых, а сейчас очень близких и дорогих нам людей.

Беседуя с протодиаконом Михаилом, я то и дело посматривал, как у могилы Варвары Орловой моя православная жена о чем-то долго и откровенно беседует с Ольгой Игоревной. И в этот момент невероятно остро ощутил свою непричастность к православной вере. Мне показалось, что я, атеист, довольно умело скрываю это от моего собеседника. Его вопрос поверг меня в небольшое смятение.

– Дорогой друг! С каким чувством вы покидаете нашу обитель?

Не задумываясь, ответил совершенно искренне:

– С чувством, будто оставил здесь кусочек своего сердца.

На прощание мы по-христиански расцеловались.

Ромен ЗВЯГЕЛЬСКИЙ,
главный редактор журнала «Российский адвокат»
Фото автора

Его неадекватные действия были зафиксированы беспристрастной камерой видеорегистратора. Когда мировой судья Замоскворецкого района Москвы рассматривал этот вопрос, каким-то невероятным способом главное доказательство – видеозапись, зафиксировавшая все происходящее, почему-то исчезла. Московская полиция посетовала, что «запись уничтожена вирусом». И вообще, позднее «доброжелателями» была вброшена версия, будто за рулем в тот злополучный день был не отец Тимофей, а его водитель. И игумен чист, как слеза младенца.

Согласитесь, вся эта неприглядная история крепко бьет по имиджу служителей культа. И не нужно в этом видеть козни журналистов. В свое время Булат Окуджава говорил: «Каждый пишет, как он слышит».

Наверняка, многие, в том числе верующие люди, надеялись, что иерархи РПЦ возьмут наглеца за шкирки и лишат сана. Но, к сожалению, они молчат, будто ничего не произошло. Так и хочется крикнуть: «Стыдно, господа! Побойтесь Бога!».

Здесь покоится
графиня Варвара
Орлова

ЗАБЛУЖДЕНИЯ В СДЕЛКАХ НЕДОПУСТИМЫ

С каждым годом жертвами мошенников все чаще становятся одинокие люди преклонного возраста. Причем стариков обманывают не только профессиональные аферисты, но родные и близкие, оставляя пенсионеров без крыши над головой.

Недавно ко мне обратилась ветеран войны и труда Раиса Кувшинова и слезно умоляла ей помочь. 80-летняя старушка рассказала, что несколько лет назад внучка Наташа (дочка покойного сына), пообещав ухаживать за бабушкой, уговорила ее подарить половину своей «двушки». Женщина согласилась, но как только все документы были оформлены, Наталья Ганова попросила у родственницы займы 100 тысяч рублей и, написав от руки гарантийное обязательство о возврате указанной суммы, пропала.

Раиса Дмитриевна поначалу списывала все на занятость внучки, верила, что она вот-вот приедет и будет помогать ей по дому, ведь та знает, что женщина с трудом передвигается на костылях и нуждается в поддержке. И вскоре Наталья все же объявилась, правда, исключительно для того, чтобы выселить бабушку в дом престарелых, о чем она напрямую и заявила.

Это стало последней каплей – Кувшинова обратилась ко мне. Выслушав пенсионерку, согласился ей помочь, причем абсолютно бесплатно.

Я исходил из того, что при совершении сделки основополагающим является соответствие воли и волеизъявления ее участников. А целенаправленный характер сделки позволяет человеку сделать выводы о достижениях результатов.

В исковом заявлении я ссылался на то, что Р.Д. Кувшинова – инвалид II группы, проживающая в квартире уже более 50 лет, доверилась своей внучке, которая обещала содержать бабушку, оплачивать коммунальные услуги, помогать ей по дому в обмен на оформление одной комнаты в ее собственность. При заключении договора никаких разъяснений пенсионерке дано не было. А в силу преклонного возраста она не понимала значения слова «дарение» и не смогла вникнуть в сущность сделки. Следовательно, старушка подписала договор под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение.

Пролетарский районный суд г. Тулы признал договор дарения недействительным и обязал Ганову возвратить Кувшиновой 100 тысяч рублей. Правда, и по сей день судебные приставы не могут разыскать злостную неплательщицу.

Казалось бы, эта неприятная история закончилась хорошо, если бы не одно обстоятельство...

Подорванное и без того слабое здоровье Кувшиновой сказало и на физическом состоянии. Раиса Дмитриевна уже совсем не могла обходиться без посторонней помощи. А тут ее младшая сестра Татьяна Мазица предложила ухаживать за пенсионеркой. Однако все с той же оговоркой, если та подпишет ей комнату. И при этом всячески заверяла, что она-то ни в коем случае не обманет сестру.

И как только Мазица оформила документы в регистрационной палате, она в ультимативной форме предложила Кувшиновой уйти в дом престарелых и там доживать последние годы своей жизни. А потом, помолчав, добавила: «Теперь я собственник этой квартиры!»...

Выяснилось, что договор, который подписала моя доверительница, касался всей квартиры, а не одной комнаты.

Раиса Дмитриевна снова пришла ко мне за помощью. И опять пришлось идти по уже знакомому пути и подавать иск в суд о признании данной сделки недействительной в силу того, что Кувшинова при подписании договора была введена в заблуждение.

Мазица свою вину всячески отрицала. То и дело она пыталась убедить суд, что не обманывала сестру, а лишь хотела обезопасить ее. Мол, переживала, что в случае смерти Раисы Дмитриевны «двушка» могла бы достаться кому-то другому или государству.

И на сей раз суд полностью удовлетворил наши требования и вынес решение о прекращении права собственности на данную квартиру Т.Д. Мазица.

Эта история еще раз доказывает, что в случае ущемления ваших законных прав следует незамедлительно обращаться к адвокату. Иначе последствия могут быть весьма плачевными.

Игорь БАЛДАКОВ,
почетный адвокат России,
председатель комиссии Общественной палаты
Тульской области по работе с административными
органами, президент общественной организации
«Тульская областная ассоциация защиты
прав потребителей»
Фото Захара РОМАНОВА

ПО ЗОВУ «ГОЛОСА СЕРДЦА»

Все началось 4 года назад, в 2009-м, и во всем «виновата» неугомонная Тамара Ивановна Румянцева – управляющая делами Адвокатской палаты Московской области. От кого-то из друзей узнала, что Областной онкологический диспансер, в котором проходят лечение более 200 детишек со всех районов области, нуждается в донорской крови. Она срочно бросила клич, на который тут же откликнулись адвокаты. Тогда их собралось человек 60. Сотрудники Московской областной станции переливания крови с благодарностью приняли движение души юристов и сразу прислали бригаду специалистов. В итоге наши коллеги собрали более 15 литров того, без чего невозможна человеческая жизнь. И это стало традицией: два раза в год – в мае и ноябре – подмосковные адвокаты проводят День донора.

С первых же дней это доброе движение души возглавил президент Коллегии адвокатов «Филиппов и партнеры» Денис Валерьевич Филиппов со товарищи. Если говорить техническим языком, он стал задающим генератором в организации всех мероприятий. Его потрясающий талант переговорщика, умение убедить партнеров, бескорыстно пожертвовать средства во имя спасения больных детей снискали ему непререкаемый авторитет. Он единственный в нашей корпорации человек, которому за меценатскую деятельность присвоено звание «Почетный адвокат».

▲ Под музыку Вивальди

К примеру, в прошлом году больных ребят адвокаты одарили не только прекрасными подарками, но и оплатили великолепный спектакль «Приключения кота Леопольда». Ах, как жаль, что на личиках маленьких зрителей были защитные маски, и организаторы веселья не могли видеть их широченных улыбок. Правда, обо всем говорили горящие детские глаза.

А в уходящем 2012-м подмосковные адвокаты решили провести званый вечер благотворителей и меценатов под девизом «Голос сердца». И не где-нибудь, а в одном из самых престижных мест столицы – в Казаковском зале Большого Царицынского дворца.

– Мы бесконечно благодарны генеральному директору музея-заповедника Александру Сергеевичу Безрукову, – говорит Денис Филиппов, – который, как человек интеллигентный и неравнодушный, очень тонко почувствовал, что мы собираемся сотворить доброе дело, но облекли это в своеобразную игру-аукцион.

Разыгрывались 100 лотов, и все они являлись частью семейной реликвии, которую каждый адвокат принес из собственного дома. К примеру, Симон Арамисович Манукян безвозмездно передал две великолепные фарфоровые статуэтки итальянской работы – судья и адвокат, а также панно – Мадонна с младенцем. Прекрасные художницы Светлана Игоревна Володина и Валентина Арнольдовна Сизова (кстати, обе лауреаты престижной золотой медали имени Ф.Н. Плевако) презентовали свои картины, которые смело могли бы украсить художественные выставки самого высокого уровня...

За неимением площади не могу детально рассказать, как захватывающе проходил этот своеобразный турнир. Скажу только одно: адвокаты были щедры и собрали

▲ Адвокат С. Манукян со своими дарами

столько пожертвований, что их с лихвой хватит не только на новогодние подарки, но и для приобретения дорогостоящих лекарств для детского отделения Московской областной онкологической больницы. Если учесть, что в конце года, как правило, исчерпываются все бюджетные средства и внебюджетные фонды, адвокатская помощь как нельзя кстати.

Вдумайтесь в это понятие – благотворительность! Творить благо, нести добро. Как здорово, что многим из нас это дано!

Роман ЗВЯГЕЛЬСКИЙ,
главный редактор журнала «Российский адвокат»
Фото Виталия АЛТАБАЕВА

◀ Это они организовали праздник! (Слева направо: Е. Инюшкина, Д. Филиппов, Т. Румянцева, В. Мусяка, С. Демин, А. Безруков, Е. Сеницына, А. Семенов)

*Почетный адвокат России, доктор юридических наук
Роман Борисович Крулов и театральная режиссёр
Рэна Александровна Шеманская учредили Благотворительный фонд
за сохранение культурного наследия России.*

Телефон:
+ 7 (495) 227 87 57

Адрес электронной почты:
shemanskayarena@hotmail.com